

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Где-то на краю света

Татьяна Устинова

Где-то на краю света

«ЭКСМО»

2013

Устинова Т. В.

Где-то на краю света / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65337-9

Никто не знает, где именно находится «край земли» и есть ли он на самом деле. Никто не знает, каково там, на этом краю, и что – за ним. Лиля Молчанова отправляется на край земли, в Анадырь. На первый взгляд в обыкновенную командировку на радио «Пурга», но на самом деле ее послали с дальним прицелом... На краю все по-другому – холодно и опасно, и Лиля, заранее оплакивая свою ужасную судьбу, вдруг попадает в неведомый и прекрасный мир, где люди живут по другим законам и правилам. Они привыкли выручать и спасать друг друга, без этого не выжить на Крайнем Севере!.. Когда Лиля при странных, невероятных обстоятельствах находит убитого охотника, начинается изощренная и страшная игра. Ей кажется, что она одинока, никто не поможет и не спасет, но она вдруг убеждается – никакого вселенского одиночества нет, а есть люди, настоящие, живые, порядочные, готовые во что бы то ни стало ее спасти. И над заснеженными просторами звучат позывные: «В эфире радио «Пурга»!», а это значит, жизнь продолжается, надежда есть и край земли вовсе не край, а может, ее начало...

ISBN 978-5-699-65337-9

© Устинова Т. В., 2013

© Эксмо, 2013

Татьяна Устинова

Где-то на краю света

Всем, работающим на радио, посвящается.

Пересадка была в Якутске.

Мимо по проходу лезли люди, повеселевшие, взбодрившиеся и разом заговорившие громко, как только самолет коснулся бетона. Еще бы! Бог миловал, все вроде благополучно, хочется на твердую землю – скорей, скорей!.. Только Лиля все сидела, никак не решалась подняться и вклиниться в толпу, распиравшую узкий проход.

– Девушка! Ну, сколько ждать-то вас?! – Соседка напирала на нее, волокла из-под ног здоровенный баул, дергала, а он все никак не вытаскивался. – Вы чего?! Не выходите?!

– Не нервничайте, – посоветовал ей парень, сидевший у окна. – Все равно не пролезете.

Соседка фыркнула, покрутила головой, словно поражаясь, что есть такие ни на что не годные люди – можно вставать, толкаться, протискиваться, а они не встают и не протискиваются!

Толпа не двигалась с места, двери все никак не открывали, дети хныкали и канючили, женщины шикали на них, обмахивались журналами, мужики переминались с ноги на ногу, переговаривались, похохатывали. По всему самолету полки были распахнуты, из них торчали сумки, лямки, рукава, как не до конца выпотрошенные внутренности.

– Когда нас выпустите, а?!

– Когда надо будет, тогда и выпустим! И вообще, займите свои места! К выходу мы вас пригласим.

Но где там «занимать места»! После пятичасового перелета всем хотелось скорей на волю – постоять, покурить, подышать. Все в порядке. Мы живы, целы, до Якутска добрались, и дальше с Божьей помощью как-нибудь доберемся.

Трап наконец-то подали, открыли двери, толпа заволновалась, зашевелилась, налегла, а потом потихоньку двинулась.

– Да пропустите вы меня! – Соседка полезла через Лилины колени и баул свой поволокла. – Сидит и сидит, выходить давно пора, а она!..

– Ну вот, сыночек, – говорил за спиной ясный женский голос. – Мы почти дома. Еще три часа, и все в порядке! Представляешь, как хорошо? Папа нас будет встречать! Ты за папой соскучился?

– Мам, а три часа – это сколько?

– Три часа, сыночек, это три часа. Раз, два, три. Ты поспишь, проснешься, и уже будет Анадырь...

– Не хочу спать, я выспался!

– Значит, книжку читаем!

– И книжку не хочу! Я буду на телефоне играть!

Пропустив последних пассажиров, Лилия с трудом вылезла из кресла и постояла немного, приходя в себя.

Да уж. Еще три часа, и Анадырь. Что же мне делать?! Как спастись?

Парень, защищавший ее от нетерпеливой соседки, ждал, и Лилия посторонилась.

Он выбрался из узкой щели, в которую все эти долгие пять часов никак не помещались руки, ноги и спина, где невозможно было пристроить газету или ноутбук, некуда девать бутылку с водой, книжку и самое себя, вытащил за собой портфель и только тут, в проходе, засмеялся.

– Устали? – Он потянулся, закинув руки за голову и высоко задирая локти. Голубая рубашка была измята, изжевана, пуговичка расстегнулась на животе, и он, стыдливо отвернувшись, быстро ее застегнул.

– Я не люблю летать, – пробормотала Лиля.

– Ну! Это ваше? – Парень достал с полки пальто, за которым потянулись еще какие-то вещи. – Так, как мы сейчас летели, никто не любит! Это просто вивисекция какая-то. Пойдемте?..

Ничего не поделаешь. Ты взрослая, умная, решительная, и ты сейчас выйдешь из самолета. Ничего страшного не происходит. У тебя командировка. Не очень простая и не слишком приятная, но всего лишь командировка. Ты справишься. Никаких истерик.

– Я никогда не была в Якутске, – в спину парню выговорила она, и он слегка оглянулся. На ходу он напяливал куртку, не попадая в рукава, и его портфель цеплялся за кресла, в которых валялись смятые газеты, пластмассовые стаканы, бутылки из-под воды, всякий мусор. – А вы?

– Ничего особенного, город как город. Я тоже здесь бывал только проездом... несколько раз.

– А вы... знаете, куда идти?

– Тут одна дорога! В здание аэропорта.

– А там? Знаете?

Он наконец-то оглянулся по-настоящему. Девушка бледная и идет по проходу с таким видом, как будто в конце его уже весело полыхает костер, на котором ей предстоит сгореть заживо. Истеричка, что ли? Или просто не в себе? Хотя симпатичная – он посмотрел на ее грудь, – и сразу видно, что не дешевка и не из простых. Хорошо бы до Анадыря летела, вот и развлечение на время!..

– Что ж вы так долго, граждане пассажиры, – укоризненно сказала замученная стюардесса в накинутах на плечи форменной шинели. Под шинелью она держала себя за локти, как будто мерзла. – Нам еще тут убираться, а вы тянетесь и тянетесь!

Чем дальше от Москвы, вдруг подумала Лиля, тем быстрее и вернее «дамы и господа» превращаются в «граждан пассажиров». Здесь, в Якутске, мы уже никакие не дамы и не господа. Дальше-то что будет?

– На трапе поосторожней! – вслед им крикнула стюардесса. – Дождь прошел, скользко!..

Трап упирался в бетон, казавшийся синим от света прожекторов, и на этом бетоне нет никого и ничего: ни людей, ни автобусов.

– Нам туда! – Парень накинул капюшон и показал рукой, куда именно. – Пойдемте быстрее, а то вымокнем!

– А что, автобусов не будет?

Он опять засмеялся:

– Автобусы будут в Домодедове, когда вернемся! А здесь ножками, ножками! Сейчас в самый раз пройти, пять часов сидели!

Лиля поспешала за ним, уверенная, что, если потеряет его из виду, все пропало. Чего бы она только не дала, чтобы оказаться сейчас в Домодедове!

Он придержал перед ней дверь. В зале аэропорта было душно, где-то, как будто наверху, шумели голоса, двигались многочисленные ноги, и гроыхание раздавалось, и гул вполне цивилизованный.

– На втором этаже зал ожидания для транзитных пассажиров, – объяснил парень. – Может, кофе удастся выпить.

И он поскакал по лестнице, уверенно и деловито. Лиля поднималась тяжело. За пять часов сидения в самолете она как будто разучилась двигаться и дышать. Ноги шли медленно и неохотно, и воздух застревал где-то посередине между легкими и горлом, так что хотелось протолкнуть его поглубже.

На втором этаже было столпотворение. Ряды пластмассовых синих стульев все заняты сумками и людьми. Некоторые спали, с головой накрывшись куртками. Какой-то дядька пристроился прямо на полу, примостив под себя рюкзак, жилистая желтая рука со свесившейся грязной кистью торчала вверх и мерно двигалась в такт дыханию. Лиля осторожно обошла его, потом оглянулась. Дети бегали между наваленными на полу тюками, кричали, визжали, тоже никак не могли прийти в себя после перелета. В двери с нарисованными мальчиком и девочкой стояла безнадежная очередь. У окна жались какие-то растерянные иностранцы в красных и желтых куртках. Ни у кого больше не было таких курток, ботинок и рюкзаков, ясное дело, туристы.

– Ну что? Попробуем взять штурмом буфет?

Лиля посмотрела на своего провожатого.

– Здесь все равно сидеть негде. – Он махнул рукой. – Может, там повезет?

Им действительно повезло. За перегородкой из голубого пластика с надписью «Буфет. Режим работы круглосуточный. Санитарный час с 08.00 – 9.00, 11.00–12.00, 14.00–16.00, 19.00–20.00, 22.00–23.00, 00.00–03.00, 05.00–06.00» стояли длинные столы и лавки, помещались игровой автомат с криво привешенной табличкой «Учет», холодильник с жестяными пивными банками – банки переливались разными красками и горели под ярким светом, – стойка и очередь, немного менее безнадежная, чем в двери с изображением мальчика и девочки. За стойкой трудились буфетчицы: маленькая девчушка с проколотым носом и железными кольцами на каждом пальце и степенная толстуха с закрученной на макушке косой. Они проворно наливали кипяток в пластмассовые стаканчики с торчащими из них хвостами чайных пакетиков, швыряли на тарелки худосочные бутерброды, ссыпали мелочь в ящик, перекрывая шум, спрашивали у каждого протиснувшегося к прилавку: «Чего давать, «Балтику» или «Охоту»?»

Парень оглянулся на Лилю:

– Вам «Балтику» или «Охоту»?

– Что?

– Вон есть два места. Займите их, а я принесу чего-нибудь.

– Спасибо.

– И портфель мой захватите!

Лиля пролезла между спинами жующих и прихлебывающих людей, осторожно неся сумку и портфель и стараясь никого не задеть, постояла, сомневаясь, потом быстро глянула по сторонам и провела ладонью по сиденью, проверяя. Ничего таким образом не определив, она деликатно пристроилась – все равно сесть больше некуда.

– Пассажиры Вилуйск – Магадан, пройдите срочно на посадку, – вдруг выкрикнул динамик женским голосом, и Лиля от неожиданности сильно вздрогнула. – Проходим на Магадан!

Никто на Магадан не «прошел», все продолжали торопливо жевать и прихлебывать, и она поближе подтянула к себе сумку, в которой заключалась вся жизнь – кошелек, чудесный маленький компьютер с тающим молочно-белым яблочком на крышке, знак беззаботной, офисной, столичной жизни, книжка-детектив с обязательной зажигательной любовной историей, салфеточки, тряпочная куклешка от мамы, блокнотик, наушники, зеркальце, телефон...

Господи, телефон!..

Лиля распахнула сумку, стала торопливо в ней копать, долго не могла его раскопать, но в конце концов выудила! В динамиках опять грянуло что-то, на этот раз про Мирный и Нерюнгри, но она перестала слышать, торопливо выключая «авиарежим» и нажимая еще какие-то кнопки. Долго не соединялось, и она, выпрямившись, вытянувшись в струнку, слушала только тишину внутри телефона и умоляла: ну же, ну!.. Пожалуйста, пожалуйста!..

Пожалуйста, равнодушно ответила тишина, и в ухо длинно прогудело. Раз, потом еще раз, потом еще...

Она ждала. Трубку никто не брал.

Звонок сорвался, обвалился короткими, быстрыми гудочками, словно ледяными брызгами обдало ухо, и она набрала снова.

На этот раз ответили быстро:

– Ты что, с ума сошла?! У нас ночь! Я сплю.

– Кирюша, я в Якутске! Ты слышишь?! Я приземлилась! Господи, какое счастье, что я дозвонилась! Здесь дождь, а у тебя? Как там у тебя?

– У меня все зашибись, Молчанова, – сказали с той стороны мира. – Ночь у меня. Я сплю.

– Мне до Анадыря еще три часа или даже три с половиной, я сейчас в каком-то буфете!

– Рад за тебя.

– Кирюша, я сидела так неудачно, в самом хвосте, за мной только один ряд, а потом туалет, и все время люди стояли, а я у самого прохода, даже поспать не могла, меня все время толкали! А еще здесь дождь и очень много народу...

– Молчанова, ты знаешь, сколько сейчас времени в Москве?

Тут Лиля вдруг поняла, что он ее о чем-то спрашивает, и совершенно всерьез. И еще он всерьез недоволен.

Она не переводила часы и могла точно ответить на его вопрос, но дело было не в этом.

– Ты голову-то включай, – посоветовал ей из Москвы любимый человек. – Особенно когда будешь из Анадыря звонить! Мне утром на работу, а тут ты в буфете! Все, давай, пока. Целую.

И опять обвалились гудочки, закололи ухо.

Лилия посмотрела на телефон. На экране возникла его фотография – этим летом на каком-то пикнике. Очень хорошая фотография.

...А что такого? Все правильно! Ночь, он спит, ему завтра на работу. Я его разбудила, он недоволен. На его месте никто бы не обрадовался!..

Слеза капнула на экран, Лилия быстро смахнула ее и полезла в сумку за салфетками.

...Нельзя, нельзя! Не из-за чего плакать, все хорошо! Ты летишь в командировку, и у тебя все нормально. Он спит в Москве, и у него тоже все нормально. Слеза опять капнула.

– Ну, что вы как на похоронах, а?

Перед ней на столе оказался стаканчик с мокрым чайным хвостом и тарелка с завернутыми в пленку бутербродами. Бутерброды навалены кое-как, сбоку пристроены сахар и пластмассовые белые ложки.

– Я еще кофе взял на всякий случай. Растворимый, конечно, но зато крепкий. – Парень плюхнулся рядом, моментально ободрал пленку с бутерброда и откусил. Потянул пивную банку за алюминиевое колечко. Банка смачно щелкнула, из отверстия повалила пена, как из небольшого огнетушителя, парень отхлебнул, словно опасаясь, что может пропасть хоть капля драгоценного напитка.

Лилия нажала кнопку и искоса глянула на возникшую из черноты телефонного экрана фотографию. Теплое лето, яркое солнце, зеленая трава, синяя вода. Загорелое лицо. Никаких забот. Другая жизнь. Та сторона мира.

Он со мной. Все будет хорошо.

...Она ненавидит это выражение, заимствованное из американской жизни и совершенно непригодное для русской! Что значит – хорошо? Для кого хорошо? Когда хорошо?

– Вы бы чаю попили, – сказал рядом парень, без которого она, ей-богу, не справилась бы нынче. – Остынет.

Лилия двумя пальцами взяла хлипкий горячий стаканчик и пригубила. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Она чувствовала себя уставшей, нечистой, отечной от долгого сидения и очень несчастной.

– А вы... дальше куда летите?

– В Анадырь.

– И я туда же. – Парень запрокинул голову и весело забулькал. Лиля покосилась и тут же отвернулась. Она терпеть не могла пива, даже от запаха ее тошнило. – В командировку? – Она кивнула. – И я тоже. Вы когда-нибудь там были?

Она покачала головой и еще пригубила чай.

– Значит, мы с вами в равном, так сказать, положении!.. Вместе будем осваивать целину! То есть тундру! Меня зовут Владимир. Можно Володя.

Она не собирается с ним вместе ничего осваивать! Еще не хватает! С другой стороны, какое-то сопровождение ей просто необходимо, и этот московский парень вполне подойдет. Хотя бы чемодан донести!.. У нее очень тяжелый чемодан! Впрочем, наверняка там можно взять такси, хоть и край земли, но все же город...

Он смотрел на нее вопросительно и, кажется, с обидой, даже пивом своим не булькал, и она спохватилась:

– Я Лилия. Лилия Молчанова.

Эта Лилия – худшее имя на свете! Хорошо хоть не Роза!.. Или Сирень. Сирень Молчанова – тоже красиво.

Он явно ждал продолжения, и она решила продолжить – в свете будущих услуг по переноске чемодана и защите от аборигенов:

– Я просто растерялась немного, так что спасибо вам огромное за помощь! Я никогда так далеко не летала... Только в Австралию, но... не одна.

– Понятно.

– Я думала, что будет бизнес-класс, и...

Тут Володя опять засмеялся, довольно обидно:

– На таких рейсах бизнес-класса не бывает в принципе, дорогая Лилия Молчанова! По моему, один борт в неделю с этим самым классом летает, и билет стоит тысяч сто пятьдесят, чтоб не соврать. Ваше начальство готово выложить за ваши удобства сто пятьдесят тысяч?

...Ах, при чем здесь начальство? Мое начальство спит сейчас в московской квартире, и я уверена, если бы оно знало, как трудно мне приходится, оно ни за что и никогда не отправило бы меня в такую немыслимую даль совсем, совсем одну!

Чувствуя, что вот-вот опять заплачет, Лилия торопливо плотнула из стаканчика и спросила, что у него за работа.

– В банке, – объяснил Володя и вылил себе в горло остатки пива. – Мы там филиал открыли, нужно работу наладить и посмотреть, чего, как. Вот меня и отправили.

Лилия приободрилась немного. Если в Анадыре есть филиал какого-то банка и гостиница, ведь гостиницу-то ей заказали, значит, наверняка и такси есть. В общем, можно как-то продержаться. Хотя держаться ей предстоит долго. Так долго, что лучше об этом не думать.

Он сбоку глянул на нее, оценивая. Вроде бы повезло – в один город летят, и командировочные радости проклевываются, а вроде и не повезло – малахольная какая-то, жметесь, сидит на самом краешке лавки, как курица на насесте, глаза не поднимает почти. Может... того... разойдется как-нибудь? Отпустит ее? Симпатичная девушка, жалко ее упускать в смысле... командировочных радостей! Похожа на фотку из журнала, вся такая подтянутая и со всех сторон правильно упакованная. Правда, на голове какие-то густые темные завитки, совсем короткие, будто на каракулевой шубе, а Володе нравились девушки с длинными прямыми волосами, но в Анадыре сойдет. Лишь бы только очухалась немного.

– Между прочим, – продолжал он, жалея, что взял только одну банку, вторая бы сейчас не помешала, – в такие командировки просто так не отправляют, это уж точно! Верный знак к повышению.

Лилия слегка улыбнулась.

– А что? – Он ободрал пленку со следующего бутерброда. – Вот только не говорите, что вам все равно! За версту видно, что вы... девушка карьерная! Или я ошибаюсь?

Он не ошибался, но Лиле в данный момент было решительно наплевать на карьеру. Хотя бы она совсем пропала, эта ее карьера. Ей хотелось домой, в Москву, спать сейчас рядом с начальством, просыпаться от счастья, смотреть в окно на огни огромного и прекрасного города, вздыхать от разных чувств, таких правильных и уютных, и вновь устраиваться рядом. И чтоб было тепло, чисто, безопасно и надежно – как всего неделю назад.

Вот тогда все действительно было хорошо! Было, а как будет, неизвестно...

– Так вы-то в Анадырь зачем?

– А... на радио. Там есть какая-то крохотная радиостанция, не помню, как она называется. Как-то странно... «Буран» или «Метель». Наш холдинг ее зачем-то купил, хотя я не знаю, кому может понадобиться радиостанция в такой... – Лилия хотела сказать «дыре», что полностью соответствовало действительности, но сказала из вежливости: – В такой дали! Кто там ее слушает? Там и людей-то нет, насколько я понимаю.

– Какие-то люди наверняка есть.

– Зачем им радиостанция?! – вдруг вспыхнула Лилия, и ее попутчик посмотрел с интересом. – Да еще в FM-диапазоне?! Там всегда были федералы, «Радио России» на длинных волнах, они там и остались, это же государственная структура, их бюджет финансирует! А нам-то туда зачем?! Все равно будут только убытки, никакой рекламой там ничего не отобьешь!

Ух ты, восхитился Володя, а она ничего, не амеба!.. Как про радио заговорили, на чело- века стала похожа, вон даже щеки загорелись.

– Кто это слушает? Что там они слушают? Закрыть нужно эту «Метелицу», а не перекупать!

– Так не вы же за свои деньги ее купили! Что вы переживаете?

Лилия переживала, потому что, не случись покупки этой самой радиостанции, не сидела бы она сейчас в забегаловке аэропорта города Якутска за липким столом, не пила бы помойный чай, не слушала, как перекликаются буфетчицы – «толстый и тонкий», – то и дело поминая какого-то Кольку и задавая посетителям все тот же вопрос: «Балтику» или «Охоту»?..

Кирилл сказал: ты должна поехать и все посмотреть. Кирилл сказал: выхода нет, сам не могу, а больше я никому не доверяю. Еще он добавил: нам нужно отдохнуть друг от друга и прийти в себя. Мы продвигаемся такими темпами, что мне страшно, а тебе?..

Ей-то как раз было не страшно. Ей нравились... такие темпы!

...Зачем он сказал, что им нужно отдохнуть друг от друга? Зачем?! Зачем?! Как они будут отдыхать – она в Анадыре, а он в Москве?!

– Да вы не огорчайтесь, Лилия, что вы, на самом деле! Даже интересно, – утешил ее добродушный Володя. – Вы там никогда не были и больше никогда не попадете! Потом будете всем рассказывать, что побывали в Анадыре! Да и всего несколько дней!

– Не дней, – поправила она странным, как будто мстительным тоном. – И даже не недель!.. Я лечу на полгода.

Володя присвистнул:

– Ничего себе! Это зачем же так надолго?

– Я должна выработать новую программную стратегию радиостанции. Представляете?! А это непросто и небыстро. Я ведь их даже не слышала ни разу. Говорят, они в Интернете где-то есть, но у меня времени не было искать! Господи, зачем им стратегия?! Там же одни олени и моржи! И у этой «Метелицы» есть директор и редактор, они давно существуют, уже лет десять, наверное, и у них своя стратегия! – Она презрительно скривила губы, выражая отношение к этой самой стратегии. – А тут являюсь я – из Москвы! «Покажите мне ваши плейлисты и рекламные договоры с заготовителями китового жира! Мне нужно составить бизнес-план!»

– Да, – посочувствовал Володя. Ей показалось, что он над ней смеется. – Не повезло вам. Полгода – это, считай, зимовка! Отто Юльевич Шмидт на «Челюскине». Зато экзотика.

– Я не Отто Юльевич, и мне не нужна никакая экзотика.

– Ну, можете поменять билет и ближайшим рейсом улететь в Москву. Тоже вариант.

Она бы так и сделала – хватит с нее перелета до Якутска. Нахлебалась уже экзотики, когда подданные дядьки в вонючих шерстяных свитерах выпадали из очереди в туалет прямо ей на колени, а матери волокли детей с криками: «Пропустите! Пропустите!» Детей рвало, а пакетов никаких, разумеется, не было! Она бы поменяла билет, но Кирилл сказал, что нужно «прийти в себя».

Она не может вернуться. Ее возвращение помешает ему приходить.

Они еще посидели. Она нажимала кнопку на телефоне и рассматривала возникавшую из небытия фотографию. Владимир крутил головой по сторонам, соображая, сходить за пивом или воздержаться, учитывая ажиотаж возле дверей с мальчиком и девочкой. Потом позвали на посадку, и Лиля побрела в плотной и шумной толпе, изо всех сил прижимая к себе сумку.

Лететь осталось всего ничего – три с половиной часа.

Она проснулась от того, что солнце светило в глаза. Оказывается, они прилетели в утро, оставив ночь где-то далеко позади, над Сибирью или Уралом, а может, еще где-то, и Лиля, радостно удивившись, оглянулась, чтобы посмотреть, где там осталась ночь, и встретила глазами с женщиной, сидевшей позади нее, в самом последнем ряду. Женщина ей улыбнулась.

– Слава богу, почти дома. – Она говорила тихо, на двух соседних креслах спал мальчишка, прикрытый теплой курткой. – Еле дождались.

Лиля неопределенно улыбнулась в ответ. Ей ничего не было видно, возле иллюминатора, запрокинув голову, спал ее давешний знакомец Володя, а между ними похрапывала решительная тетка, прижимавшая толстыми руками баул к животу.

– Особенно красиво, когда самолет на посадку заходит, – прошелестела сзади женщина, не отрываясь от иллюминатора. – Ничего прекраснее и лучше не видела!.. Никакой юг с нашим Севером не сравнится.

Лиля кивнула. Она совершенно точно знала, что самое лучшее – и прекрасное! – место на Земле – это Москва с ее пробками, толчеей, нелепой архитектурой, непригодностью для жизни, с ее вечным шумом, вонью, давкой, как будто немыслимо огромная воронка засосала в себя людей, воздух, дома! И эта воронка, знала Лиля, единственное место, где возможна жизнь. Во всех остальных местах можно отдыхать, еще где-то, наверное, работать, но жить только в Москве.

И там, в Москве, Кирилл...

– Внимание, уважаемые пассажиры, – скороговоркой произнес в динамиках пилот, – наш самолет начал снижение, через несколько минут мы совершим посадку в аэропорту «Угольный» города Анадырь. Погода хорошая, солнечно, пять градусов тепла, местное время...

В салоне мигом проснулись, задвигались, зашумели, полезли к иллюминаторам.

– Мам, мы уже прилетели, да?

– Почти, сыночек. Вот видишь, как хорошо, что ты поспал! Смотри, во-он лиман, а вон баржи! А вон и Анадырь наш!.. Красота какая, да?

– А папа? Где папа?!

– Его отсюда не видно, он в аэропорту, небось заждался нас.

По всему самолету вскакивали, привставали, повторяли: «Смотри, смотри!» – одним словом, радовались и ликовали.

Лиля пристегнула ремень, закрыла глаза и стала думать о Москве – назло всем ликующим! В конце концов, эти полгода ведь кончатся когда-то! Она же не заключенный, сосланный на вечное поселение. Если уж совсем станет немоготу, плюнет на все и вернется. Не так и страшно, тем более Интернет есть везде, а это сразу облегчает дело, все вопросы можно решить из любой точки мира! С чемоданом и такси ей поможет добродушный Володя, на радио «Буря» или «Метель» тоже все как-нибудь обойдется, в конце концов, именно Лилия Мол-

чанова их новое московское начальство, и, какими бы они ни были замшелыми аборигенами, чукчами или эскимосами, им придется с ней считаться.

Шасси неуверенно коснулось земли, как будто пробуя, потом самолет всей тушей налег на стойки, и стало понятно, что он не летит, а уже бежит, катится по земле наконец-то! Какое счастье не лететь, а ехать, это значит, все позади! По всему салону зааплодировали – ура, приземлились!..

– Слава те, Господи, – растроганно проговорила толстая тетка-соседка и, кажется, даже шмыгнула носом. – Слава те, Господи, дома мы...

Лиля посмотрела на нее, а потом, преодолевая себя, в иллюминатор, возле которого весело возился Володя.

Там были серые, странно пологие холмы. Кажется, они называются сопки. За ними угадывалось нечто огромное и холодное. Море?.. А может, океан? Что тут... протекает поблизости? Могла бы хоть карту посмотреть! Но все случилось так неожиданно, и Лиля так была поражена тем, что ее отправляют на край земли, на самом деле ссылают, да еще так надолго, что никакую карту она не посмотрела, конечно!

– Ну, здравствуй, Чукотка, – негромко сказала женщина сзади, а мальчишка опять заверещал, что не видит папу, и они стали торопливо собираться, и Лиля тоже вдруг повеселела.

Как бы то ни было, она долетела, а это сейчас самое главное.

Воздух после самолетной духоты показался ей холодным и острым. Он моментально разрезал ее застрявшее где-то посередине между легкими и горлом дыхание, и голова закружилась так, что пришлось взяться рукой за ледяной поручень трапа. Этого самого воздуха оказалось много, слишком много, и он был физически осязаем, как нечто другое, не то, чем приходилось дышать всю прошлую жизнь, будто она на чужой планете. И свет вокруг другой, лазоревый, чистый, хотя как свет может быть чистым?

– Милая, поторопись! – гаркнул сзади какой-то дядька. – Одиннадцать часов в дороге, домой охота, спасу нет!

Лиля стала осторожно спускаться, думая, что нужно было все-таки дождаться Володю, который долго возился, с трудом доставая что-то из сумки.

Тут только Лиля сообразила, что холодно, так холодно, что у нее, словно по команде «пли!», застучали зубы. Все пассажиры оказались в пуховиках и дубленках, хотя в Москве были в утлых ветровочках и безделушных пальтишках.

У нее есть с собой теплая куртка, но в багаже, конечно...

Дунул ветер, совершенно ледяной и... непохожий на ветер. Как будто дальние холмы – или сопки – вздохнули. Трясушейся от холода рукой Лиля полезла в карман за перчатками. Ей хотелось постоять и посмотреть, попривыкнуть, но она боялась остаться наедине с инопланетными сопками, воздухом и небом.

Звездолет улетит. Колонисты растворятся, исчезнут. Она останется одна, не имея мужества посмотреть в лицо этому новому миру.

В здании аэропорта, современном и сверкающем настолько, что Лиля не поверила своим глазам и даже оглянулась на стеклянную раздвижную дверь, чтобы проверить, на месте ли сопки и небо, было очень тепло, но она все никак не могла перестать трястись. Белые коридоры, залитые ровным светом, чистые окна, хром, никель и огромные цветные постеры на стенах. «Долина реки Пегтымель», – читала Лиля на ходу, смотреть не успевала. – Залив Онемен, селение Наукан».

Не слишком густой людской поток стал притормаживать, останавливаться, и Лиля остановилась и уставилась на фотографию. На фотографии был снег, очень странный снег, упирившийся в горизонт, – впрочем, кажется, и горизонт слеплен из снега, розового, синего, фиолетового и серого. Солнце тоже из снега, выпуклое и ледяное. Под ним разбросаны прямоугольные конфеты в разноцветных бумажках, слегка припорошенные и промерзшие.

«Уэлен – самый северо-восточный поселок России» было набрано убедительным типографским шрифтом.

Позвольте, как поселок?! Где поселок?! Лиля носом почти возила по стеклу. Вот эти разноцветные конфеты – дома?! Но... но их так мало, и они такие крошечные по сравнению с огромностью пространства, занятого льдом и небом!

Так не бывает. Просто потому, что не может быть.

– Девушка! Девушка, проходите!..

– А?

– Проходим побыстрее!

Лиля оторвалась от поселка Уэлен и «прошла».

– Паспорт ваш и командировочное удостоверение.

– Что нужно? – не поняла Лиля, оказавшись перед стойкой с надписью «Контроль».

– Ваш паспорт и командировочное.

Лиля полезла в сумку. Никакого удостоверения у нее не было и в помине. Никому там, в Москве, даже в голову не пришло выписывать нечто подобное, зачем?

– Как зачем? – удивилась тетка на «контроле». – У нас здесь пограничная зона, милая. Не хухры-мухры. Нету, что ль, удостоверения?

Лиля растерянно сказала, что нет, и спросила, что теперь делать.

Тетка уверенно заявила, что делать нечего, придется проводить ее, Лилю, к пограничникам, а они уж там пусть решают. Очередь сзади нетерпеливо пошумлиwała.

У Лили была невразумительная бумажка, которую перед отлетом всучил ей Кирилл. Нечто вроде просьбы о содействии на имя губернатора округа, подписанная каким-то сенатором или депутатом. Лиля ее даже не разворачивала. В ночь перед отъездом в горе и разгроме сборов ей было решительно не до бумажек, а сейчас она вдруг про нее вспомнила.

– Подождите. – Она стала торопливо копаться в сумке и выкопала наконец-то папку. – Вот это не сойдет?..

Тетка глянула на нее поверх очков, потом на листок в тоненькой файловой папке и вдруг спросила с подозрением:

– Роману Андреевичу, стало быть, адресовано?

И стала читать, шевеля губами.

– Ну, что там застряли-то?! Нельзя побыстрее?! – закричали в очереди.

– Ребят, сил нету, шевелитесь, а?!

– А в чем дело?..

Лиля преданно смотрела на тетку, которая могла пустить или не пустить ее на Чукотку, как будто от этого зависела ее жизнь! Вот ведь странность какая! Хорошо бы не пустили, и тогда с легким сердцем она улетит домой – пересадка в Якутске!.. Но в эту секунду Лиле казалось страшно важным, чтобы тетка разрешила ей высадиться на этой планете, столь непохожей на ту, с которой она явилась.

Тетка дочитала и вернула листочек.

– Проходите, конечно, – сказала с уважением и, как показалось Лиле, некоторой опаской. – Раз такие гости... Чего ж это нас не предупредили? Может, проводить?

– Нет, нет, спасибо большое!.. – Лиля схватила всесильный листок и затолкала в сумку. – А вот эти фотографии чьи? То есть кто фотографировал?

– Так Аркаша Сухонин, кто же? – Тетка удивилась. – Не слышали? Знаменитый фотограф!

– Девушка, проходите! Сколько можно?! Фотографии смотреть в музее будете!

Лиля пробормотала «извините» и пошла по коридору, сначала быстро, а потом все медленнее и медленнее, притормаживая у каждой удивительной фотографии. Люди обгоняли ее, спешили, и получилось так, что в стеклянный зал с багажным транспортером она вышла последней.

– Слушайте, ну, где вы пропали-то?

Володю в ярко-красном пуховике она даже не узнала в первую минуту. Володя как-то сразу утратил «московский» вид, который так подбадривал Лилю.

– А у меня ничего такого нет.

– Чего нет?

– Пуховика.

– Здравствуйте! А как же зимовать?!

Она пожала плечами:

– Не знаю.

Он фыркнул, довольно отчетливо:

– Нет, а вы на Фиджи, что ли, собирались? И по ошибке прилетели на Чукотку?

Лиле не нравился его тон, тоже изменившийся и гораздо более фамильярный, чем полагается самолетному попутчику, и, не отвечая, она стала рассматривать неподвижный транспортёр.

...А и правда, как это ей в голову не пришло, что здесь нужны какие-то специальные теплые вещи? В чемодане есть куртка и еще любимая коротенькая дубленочка, привезенная весной из Милана, а больше ничего такого!.. Впрочем, она не полярник и не сноубордист, соответствующей одежды у нее нет и быть не может! Если будет холодно, купит в Анадыре свитер. Наверняка это можно.

Замигала лампочка, транспортёр завыл и поехал. Из черной пасти вываливались огромные тяжеленные тюки, запеленутые в целлофан, и, когда они падали на ленту, пол как будто содрогался.

Лилин чемодан без всякого целлофана и содроганий вывалился и поехал.

– Помогите мне, пожалуйста.

– А?.. – Володя, вытянув шею, неотрывно смотрел в черную пасть, боясь пропустить свой багаж. – А, конечно!

Он стащил с транспортера ее багаж, Лиля постояла немного, ожидая, что он сейчас скажет, чтобы она его подождала, но он не обращал на нее внимания. Впрочем, тут все ждали багаж, как появления из проруби щуки, которая должна исполнить три желания!

Волоча чемодан, Лиля вышла в зал прилета, просторный и чистый, как все помещения в этом аэропорту. Здесь толпились встречающие, очень много, неожиданно много. Ее сосед-мальчишка обнимался с дюжим дядькой в летной куртке и все никак не мог наобниматься. Он как будто снова и снова повторял момент встречи, отбегал немного, разгонялся, раскидывал руки и прыгал на дядьку с воплем:

– Папа!..

Дядька подхватывал его, прижимал, но тот вырывался, отбегал, и все повторялось. Женщина, которая говорила в самолете, что краше Анадыря нет ничего на свете, держала дядьку за куртку, что-то тараторила, смеялась и совалась поближе.

Лиля улыбнулась.

Когда я вернусь в Москву и Кирилл меня будет встречать, я тоже с разбегу стану на него прыгать, как этот мальчишка!.. И раз, и два, и... сколько захочется. А он будет обнимать меня и прижимать к себе, и я буду чувствовать его запах и вкус, единственный на свете.

...Я не буду об этом думать. Не буду, и все тут. Где здесь стоянка такси?..

Она вышла на улицу, под широкий козырек, совершенно забыв о том, что находится на другой планете. Тем не менее планета была другая. Отсюда сопки казались огромней и... могущественней. Понятно стало, что они далеки и равнодушны, и снег лежит на них как-то не так, поперек, длинными неровными лентами. Никаких сияющих вершин, веселых и ослепительных, как в Альпах. Они были серыми, желтыми, голубыми и шли волнами, как будто на этой планете волны есть не только на море, но и на суше. Впрочем, кто сказал, что сопки

– суша? Это на нашей, привычной и обжитой Земле так считается, а как здесь – неизвестно, неизвестно...

Холод тоже жил тут какой-то особенной жизнью, он был осязаем, и его можно было трогать. Лиля вытащила руку из кармана и потрогала холод. Он оказался плотный, абсолютно чуждый и слегка обжигал. И лазоревый свет, лежащий на всем вокруг!

Почему-то она стояла на высоком крыльце совершенно одна – ни людей, ни машин. Она трогала холод, смотрела на сопки, напрочь позабыв о том, что ей нужно искать такси, а потом куда-то ехать и там, куда она приедет, что-то делать!

Она очнулась от того, что близко заговорили, раздраженно и громко, и в первую секунду ей показались неправильными эти голоса, нарушившие чуждость и отстраненность другой планеты.

Лиля спрятала руку в карман, помедлила, обернулась и посмотрела.

Ссорились двое, он и она. Он – высокий, квадратный, как будто с подкладными плечами. Он не мог устоять на месте, широко шагал до самых ступеней, как будто собирался вовсе уйти, возвращался к ней, засовывал и вынимал из карманов увесистые кулачищи, дергал «молнию» кожаной летной куртки. Она – фигуристая, нарядная, с нестерпимым блеском, затмевающим лазоревый свет. Блестело все: веки, волосы, серьги, вышивка на свитере и побрякушки на куртке.

– Я тебе говорю, Саша, с меня хватит, а ты знаешь, я зря слов на ветер не бросаю! Что ты нос воротишь? Что воротишь? Куда опять пошел?! Нет, ты сюда подойди! Ты в глаза мне посмотри, а не вороти!

– Оль, ну что ты опять завела-то? Места другого не нашла?

– Да у тебя каждое место – не место, все равно подходящего не найдешь, а вот я точно говорю, уйду я от тебя и жить с тобой не буду, ни за что не буду! Ты мне сколько лет перевод обещаешь? Нет, ты ответь, ответь!.. До зимы, сказал, точно уедем, а теперь выходит, обратно никуда мы не уедем! А я больше не могу! Не желаю я такой жизнью жить, она у меня одна! Может, у тебя десять, а у меня-то одна! И я ее здесь больше тратить не стану!

– Оль, поедem домой, а? Там поговорим. Ну, что такое, ей-богу! В этом году не получилось, в следующем переведут!

– Да-а-а, переведут тебя, держи карман! Вот как тебя переведут! – И женщина показала мужчине переливающуюся кольцами и ярко накрашенными ногтями фигу. – Знаю я все твои разговоры! Одни обещания обещаешь! Так вот, я тебе по сердцу говорю – улетаю я! Как борт придет, так и улетаю!

– Оль, ну куда ты улетаешь, а? Ну чего ты несешь? Поедем домой, там давно накрыто все, а я с утра только с Рахманова прилетел и не евши! Я же тебя встречать поехал...

– Вот спасибо так спасибо, встречать он меня поехал, а сам не евши! Тебе только б пожрать, а больше забот нету! А я за мамой, может, скучаю! И за Милочкой!

– Да Милку давно нужно сюда забрать.

– Ку-у-да?! Куда забрать?! В дыру эту?! В холод этот проклятуший?! Культурно выйти некуда! Чего я с тобой кроме гарнизона да плаца видела? Вон Маринка Семенова в Италии была, а я где была? А у нее муж, между прочим...

– Оль, все, хватит!

– А я тебе говорю: улетаю! Звони этим своим гаврикам, пусть обратно мне билет заказывают до Москвы! Я хочу, где культура! Ты мне обещал, что после отпуска уже перевод будет, а где он, перевод этот?

– Оля!

Под высокое крылечко невесть откуда подскочил большой черный джип, из него вывалился солдатик с оттопыренными ушами, вскинул руку и затараторил, вылупив глаза:

– Товарищ полковник, вещи получены и погружены в соответствии с вашими указаниями, готовы к отправлению!

– Погоди ты, Сережа!..

Блестящая Оля вдруг бегом бросилась в здание аэропорта, товарищ полковник ринулся за ней, а Лиля и солдатик остались. Лилия на крыльце, а солдатик внизу.

Солдатик, помедлив, вернулся в джип, где, наверное, было тепло от печки, и Лилия поняла, что замерзла, так замерзла, что пальцы почти не сгибаются.

– Молчанова?! Вы Молчанова?

Она оглянулась.

Из раздвижных дверей вывалилась расхристанная краснощекая деваха и, громко топая, подбежала к Лиле. Та посторонилась немного, мало ли что.

– Вы Молчанова или нет?

Лилия молча кивнула. Деваха казалась ей подозрительной.

– Слава богу! Я вас ищу, ищу! Даже на контроль сбегала, а мне говорят – прошла давно! Как это я вас проглядела?! – Она сорвала с шеи платок и стала им обмахиваться. Ей было жарко. – А вы?! – вдруг накинулась она на Лилию. – Вы что, по сторонам не смотрите совсем?! Я же вас встречаю! С бумажкой! Стою, стою, и нет никого!

– С какой бумажкой?!

– Господи ты боже мой! С обыкновенной! На бумажке написано «Долинская»! Моя фамилия Долинская. Я вас встречаю! Вы что, не видели?

Лилия понятия не имела, что ее кто-то будет встречать, да еще с бумажкой, на которой написана фамилия встречающего! Если б было написано «Молчанова», она, может быть, и обратила бы внимание, а неизвестную ей Долинскую уж точно не заметила.

– У-уф, жарко, забегалась я! Здрасте. – Тут деваха улыбнулась широкой улыбкой, и Лилия ни с того ни с сего ревниво подумала, что у нее, Лили, никогда не было и не будет таких зубов. – Нам вообще-то поторапливаться надо, сейчас баржи все уйдут, будем на этой стороне еще три часа куковать, а может, и больше, однако, дует немного!

Деваха лихо сунула косынку в карман и протянула Лиле руку:

– Алена Долинская, главный редактор радио «Пурга».

Точно! «Пурга», а вовсе не «Метель» и не «Буря»!

– Лилия, – представиться «по всей форме» Лилия не могла, потому что решительно не знала, как называется ее должность. Куратор? Надсмотрщик? И поэтому сказала глупость: – Из Москвы.

Деваха засмеялась:

– Да мы в курсе! Вся радиостанция на ушах, никто не знает, что теперь с нами будет! А вы?

– Что?

– Вы знаете, что будет?

Долинская вдруг стала серьезной, и Лилия поняла, что она, пожалуй, совсем не такая, как кажется на первый взгляд. У нее были внимательные темные глаза, выписанные искусно и тонко, как у княгинь на картинах художника Глазунова, свежее молодое лицо и блестящие темные волосы, которые она то и дело заправляла за уши длинными красными от ветра пальцами.

– Ну да ладно, потом поговорим! Нам поторапливаться надо, говорю же! Уж все баржи ушли! Коля попросил капитана, он последнюю для нас придерживает, но долго все равно не продержится! Ну чего? Бежим?

Лилия ничего не поняла. Какая баржа? Какой капитан?

– У нас машина вон, за углом. Сюда, однако, не подъедешь, только по пропускам. Весь народ тем выходом выходит. А вещи где? Нет, чемодан я вижу, а вещи-то где? Или потом придут?

Алена подхватила чемодан, сильно перегнулась на одну сторону и поволокла его по ступеням. Лиля металась рядом, пытаясь отнять чемодан, как болонка вокруг мастифа – совершенно без толку.

– Коля! – с середины лестницы грянула Алена, не отпуская, однако, багаж. – Коля, где ты там?!

Из-за угла выскочил мужик, всплеснул руками, выплюнул сигарету, взбежал по ступеням и перехватил чемодан. Лиля решительно не знала, что должна делать.

– Давай, – поторопила Алена. – Мы на «ты», да? Замерзла, что ли? Вон машинка наша, сейчас отогреешься.

Машинка, сопевшая двигателем поблизости, представляла собой доисторическое тупо-рылое сооружение на колесах, грязно-зеленого колера, кое-где побитого ржавчиной.

– Ты вперед или назад? – Алена распахнула дверь, обитую с внутренней стороны чем-то вроде старого войлочного одеяла. Винил сидений давно потрескался, и на них тоже лежали какие-то подстилки. – Полезай, ты прям зубами стучишь!

Лиля осторожно занесла ногу в лакированном ботинке, влезла в салон, села на подстилку и выпрямилась. Длинная черная палка, приводившая в движение механизм, поехала, и дверь захлопнулась.

Алена взобралась на переднее сиденье, диковинная машина натужно взывала и двинулась.

– Это «батон», – перекрикивая вой мотора, оживленно объясняла Алена. Когда машину бросало из стороны в сторону, она хваталась за все подряд: за виниловую спинку, за потолок, за черную палку на двери. – Потряхивает маленько, а так – всем машинам машина! Особенно если шофер не подведет! А, Коль?!

Коля, за все время не сказавший ни слова, посмотрел на прыгающую Лилу в крохотное зеркало заднего вида и улыбнулся.

– Коля у нас лучший! Два раза в тундре пурговал, один раз под самый Новый год, помнишь, Коль? И ничего, не замерз! А все потому, что машина у него всегда в порядке! Ну вот, этот поселок называется Угольные Копи. Уголь здесь добывают еще с тридцатых! Сейчас уж четвертая по счету шахта! Анадырь топят и на всю Чукотку везут. В Эгвекино специальные баржи ходят, «угольщики».

Дорога стала лучше, и Лиля пригнулась, сунулась в самое окошко, чтобы все видеть. Кругом раскинулись огромные черные холмы угольных отвалов, мертвые остовы транспортеров, они проезжали брошенные постройки, полусгнившие вагоны, гигантские железные бочки, похожие на истлевшие корабли пришельцев, рельсы, ведущие к странным апокалептическим сооружениям и обрывающиеся в мелких озерах с неестественно синей водой.

Пейзаж вызывал ощущение застывшей катастрофы.

«Батон» – всем машинам машина! – трясся и подпрыгивал, и Лилу мотало из стороны в сторону. Ей не хотелось смотреть на застывший мир вокруг, но оторваться от него она не могла.

– Это уже город?!

Алена обернулась:

– Не-ет, говорю же, Угольные Копи! Анадырь на той стороне!

– На той стороне чего?

– Лимана! Нам еще через лиман идти!

– Какой лиман?!

Алена засмеялась и махнула рукой:

– Сейчас увидишь.

«Батон» всхрюкнул, поднатужился, вознесся на невысокую горку – галька сыпалась из-под колес – и съехал прямо на берег, за которым простиралась какая-то большая вода, вскопченная, желтая и злая. Возле берега болтался широкозадый катер, обветренный, давно не

крашенный. Синий дизельный дым крутился над трубой. С кормы были брошены широкие деревянные мостки.

– Слава богу, не ушел, – пробормотала Алена и полезла из кабины. – Ты сиди, не выходи! – крикнула она Лиле. – Холодно!

Нажав на черную пластмассовую палку, Лиля распахнула дверь и выпрыгнула.

Что это, в ужасе спросили ее лакированные ботинки и приняхались. Угольная пыль?! Угольная пыль!!!

Дышать на улице было нельзя – ветер не давал. Его оказалось так много, и он был такой плотный, что втянуть его в себя не получалось. Ветер мимоходом залез Лиле в волосы, и под пальто, и в уши, и за шиворот. Впрочем, до Лили ему не было никакого дела. Он играл с водой, злил, веселил и шевелил ее, и желтые волны, исходящие пеной, отвечали ему яростью.

– Зачем ты вышла?! Окоченеешь! Лезь в кабину!

– А на чем мы поплывем? – крикнула Лиля, отворачиваясь от брызг.

– Как?! На барже! Спасибо капитану, дождался нас!

Знатный шофер Коля заскочил в свою знатную машину и стал сдавать задом, прицеливаясь на деревянные мостки, ходуном ходившие по гальке. Дерево скрипело, и баркас – а может, баржа – приплясывал на воде.

– Он не заедет, – пробормотала Лиля.

– Что?!

Но Лиля не отвечала, смотрела, как «батон», едва не забуксовав на гальке, стал взбираться по мосткам на палубу. Мужики, кутившие поблизости, махали бычками и показывали, куда крутить. Шофер Коля газанул, «батон» перевалил через стык и аккуратно причалил на палубу, вровень с какой-то еще машиной.

– Пойдем! – Алена потянула Лилю за рукав. – Сейчас на воде совсем холодно будет.

Протиснувшись между деревянным, обшитым побитой резиной бортом баржи и боком «батона», Лиля кое-как открыла дверь и забралась в узкую щель на свое место. В «батоне» было тепло, тихо, пахло табаком, и радио играло и пело – красота!

– Сейчас покачает немного. Видишь, ветер поднимается. Ты как? Качку переносишь?

Лиля понятия не имела, переносит или нет. Когда Кирилл катал ее на катере по Пестовскому водохранилищу, вроде переносила, но здесь совсем другая качка!

Баржа заревела, загремели цепи, застучал движок, она стала неуклюже разворачиваться, а потом пошла, ныряя в желтые и зеленые волны.

Лиля была как будто без сознания немного.

– Как только лед придет, навигацию закроют, – говорила на переднем сиденье Алена, – до аэропорта можно будет добраться только на вертолете. А зимой уже на машинах, это удобно.

– Как на машинах?

– По льду. Очень просто.

Солнце вдруг выглянуло из-за низких туч, как будто проткнув их насквозь, и один-единственный луч уперся в воду, сделав ее изумрудной, и страшно стало, и весело.

С левой стороны, далеко, проявилась скала, тоже освещенная солнцем, и Лиля спросила, что это.

– Алюмка! – объяснила Алена. – Островок такой. Раньше вроде военная база была, секретная, а потом военные ушли. Там гнездовья птиц, самых разных, некоторые даже в Красную книгу занесены!..

Шофер Коля закурил, вздохнул и сел вольготно. Спыхватился и спросил:

– Можно покурить?

Лиля ненавидела пиво, сигареты и всякого рода распушенность. Считала это плебейством, недостойным просвещенного жителя двадцать первого века. Даже когда курили на улице, она старалась как можно быстрее пробежать мимо или просила воздержаться – если,

допустим, мероприятие проводилось на открытом воздухе, а там какие-нибудь бессовестные курильщики.

– Ничего, если я покурю-то? Я в окошко!

– Курите! – сказала Лиля быстро. – Курите, конечно.

Зеленый луч исчез, вода стала коричневой и бурой, и берег уходил все дальше, а тот, другой, все никак не приближался, хотя движок молотил изо всех сил и пахло соляркой. Лилия смотрела в окно, в нос и в рот вместе с соляркой лез дешевый табак, радио пело.

Где я, думала она, а волны все плясали вокруг, и баржу сильно качало. Что со мной? И я ли это?..

Вдруг гладкая голова, довольно большая, вынырнула совсем рядом с бортом, покачалась немного и ушла под воду.

– Там кто-то есть! Вон там, там!!

Коля от неожиданности поперхнулся и закашлялся, Алена взглянула на него, а потом в забрызганное окошко.

– Где есть-то?

– Ну, там, в воде!..

– Так нерпа, кому ж там быть! – Она засмеялась. – Их тут полно. Белухи, должно быть, рядом. Когда косяк идет, нерпы всегда за ним следом. За белухами рыбу подьедают.

Лилия смотрела, не отрываясь, и ей казалось, что волны качаются у нее в голове. Вон вынырнула еще одна уса́тая и гладкая морда, следом еще и еще!

– Кто такие белухи?

– Арктические киты! Белые! Они через лиман в океан идут! Во-о-он спина, видишь?!

Между бурунами переваливалось нечто громадное, первобытное и на самом деле белое. Это белое некоторое время оставалось над водой, словно в глубине перекатывалось огромное, толстое и широкое колесо, а потом скрылось и снова возникло далеко в стороне.

– В эфире радио «Пурга», – очень правильным мужским голосом сказал приемник, перестав петь. – Как всегда, в это время дня с вами Олег Преображенцев. Через полчаса у нас будет программа по заявкам, на всякий случай напоминаю телефон и короткий номер для СМС-сообщений. В чат тоже можете заходить, но я сейчас никому отвечать не буду, договорились?

Олег Преображенцев говорил абсолютно свободно, легко и четко, в микрофон не сопел, не мямлил, не тянул, не пыжился, он просто говорил как высококлассный и опытный диджей.

– Можно чуть погромче? – попросила Лилия, и Коля прибавил звук.

– Моя смена в восемь часов, – сказала Алена, когда грянула песня. – Я тебя поселю и сразу на работу. Мы по два часа в эфире. Только ночного ведущего нет, не найдем никак, хотя вахтовиков полно, дежурных всяких, кто по ночам работает, и они все время жалуются, что скучно, самое время на радио позвонить, о жизни поговорить, а не с кем!

– Он что, в Москве учился?

– Кто?

– Ну, этот Олег Преображенцев?

Алена с Колей переглянулись.

– Преображенцев, по-моему, из Уэлена. А что?

– Он хорошо говорит, – пробормотала Лилия.

Алена пожала плечами, довольно холодно:

– У нас все хорошо говорят. С музыкой не всегда одинаково, фонотека старая, дисков много, а толку мало.

– А охват?

– Вся Чукотка. От Хатырки до Певека. И поселки слушают, и города. В стойбищах мы вообще как родные, – Алена вдруг засмеялась, – где сигнал принимается! А нас почти везде слышно, на этот счет губернатор постарался, ретрансляторов наставил. Приезжаешь в какое-

нибудь кочевье, в сторону от Маркова еще километров двести, только рот откроешь здрасте сказать, а тут со всех сторон: «Алена, это вы?! Мы вас каждый вечер слушаем, и голос ваш узнали!» На Чукотке радио – первое дело, без него пропадешь. И в вездеходах его слушают, и на кораблях, и метеорологи, и геологи, и строители, да все!

Ничего себе, подумала Лиля. Вот тебе и моржи с оленями!..

Олег Преображенцев опять заговорил, на этот раз про погоду, очень складно, и голос был хорош, очень хорош, и Лиля вдруг представила себе, что она с ним познакомится и узнает его по голосу, как узнают Алену в этих... как она там сказала... становищах, и мысль эта доставила ей удовольствие.

Движок стучал, музыка звучала, гигантские белые спины перекатывались вдалеке.

Баржу сильно качало, переваливало с борта на борт, и приходилось все чаще сглатывать слюну, которая ни с того ни с сего стала застревать в горле, и коричневые и бурые волны, невесть как оказавшиеся у Лили в голове, заливали глаза, и она поняла, что ей нужно срочно выйти.

– Что такое?! Ты куда?! Укачало, что ли?!

Лиля кое-как вывалилась из «батона» в узкую щель, зажмурилась и на ощупь взялась обеими руками за борт, покрытый твердой, изъеденной солью резиной.

От холода тошнота сразу прошла, только голова сильно кружилась, и она еще постояла с закрытыми глазами, часто и коротко дыша. Мелкая водяная пыль летела в лицо, и ледяной ветер моментально пробрался сквозь все ее одежды, так что ознобно стало даже позвоночнику.

– Ну что? Лучше?

Лиля сквозь зубы что-то промычала. Ей сейчас не требовалось ничье сочувствие, ей требовалось отсутствие зрителей!

Она открыла глаза и замерла. На той стороне раскинулся разноцветный город – на самом деле разноцветный! Город поднимался вверх от береговой линии, розовый, голубой и зеленый, и казался нарисованным на коричневом и сером фоне. Он начинался сразу за яркими клювами портовых кранов, и продолжался, и расходился в стороны, и небо над ним было очень синим, как будто специально оставленным для того, чтобы город обрамился рамкой из синего неба и коричневой воды!

– Анадырь, – сказала Алена таким тоном, как будто она Витус Беринг и только что самолично открыла невиданное раньше чудесное чудо.

– А почему он... цветной? Разве бывают цветные города?!

– На Арктическом побережье бывают, – ответила Алена как ни в чем не бывало и поплотнее запахнула куртку. – Тут мало света, понимаешь? Полярная ночь! И ярких красок не хватает! Глаза устают очень, люди болеют! Анадырь раньше тоже весь серый был, а потом, когда новый губернатор пришел, стали его раскрашивать! Все теперь разноцветные: и Эгвекинот, и Билибино, и Уэлен, и Певек!.. Потихоньку-полегоньку, глядишь, и выберемся.

– Откуда?

Алена махнула рукой:

– Что тут пятнадцать лет назад было, вспомнить страшно! У кого ни спроси, тебе всякий скажет! А сейчас получше, полегче. Губернатор у нас правильный мужик, я же говорю!

– А так бывает? – Лиля не могла оторвать глаз от разноцветного города – абсолютно человеческого посреди чужой планеты! – Так бывает, чтоб губернатор был правильный? Из бюджета не все деньги украл, немного на краски оставил?..

Тут Алена вдруг крепко взяла ее за руку. Ладонь была холодной и жесткой.

– Ты, если чего не знаешь, не говори, – посоветовала она таким же холодным и жестким тоном. – Поживешь с нами немножко, может, поймешь чего. Ясно тебе?

Лиля кивнула не слишком уверенно. Что именно задело главного редактора радио «Пурга»? Она же ничего такого не сказала! А если сказала, то что именно? А может, у них тут

культ личности этого самого губернатора, и он для них «отец народов», как Иосиф Виссарионович, Мао Цзэдун или сам товарищ Ким Ир Сен? Вопросов задавать нельзя, можно только восхвалять?..

Баржа заревела, наддала движком и стала поворачивать к причалу. У Лили заболела шея от того, что она все время смотрела вверх, на разноцветный город, и холодно было так, что зубы стучали всерьез. Когда «батон» следом за каким-то ухарским джипом съехал на гальку и Лиля забралась в него, ей показалось, что салон с просиженными виниловыми сиденьями, ворсистыми подстилками и табачной вонюю – самое прекрасное место на земле.

Прекрасное, потому что теплое.

– Вот это коса Святого Александра, с нее Анадырь когда-то пошел, и тогда он назывался Ново-Мариинск. Раньше только здесь строились, на косе, уж потом Анадырь за речку переехал. Видишь, мост? Речка Казачка называется!..

Лиля не видела никакого моста. Она вся тряслась, пытаясь согреться, дула в ладони.

«Батон» взревел, поднимаясь в горку между разноцветными домами. Странное дело, они стояли не на земле, а на сваях, довольно высоких.

– Ну, конечно, а как же? – удивилась Алена, когда трясущаяся Лиля спросила. – Тут же мерзлота! Вечная! Только на сваях и ставят. Смотри, вон колледж, тоже при новом губернаторе построили! Видишь, красота какая!

Лиля посмотрела. Здания были из золотистого камня, стояли широко, просторно, врезанные в лазоревый чистый свет. На самом деле красота!

«Батон» повернул и бодро покатыл по улице. Асфальт был гладкий и блестел, как стекло, и разноцветные дома на сваях!

– Здесь городская библиотека, крылечко высокое, а вон «Полярный», сюда кино самое новое привозят, и группы всякие на гастроли приезжают! Его тоже перестроили, у нас тут много чего перестроили! А на Новый год как красиво, иллюминация кругом, елки!

Лилию вдруг стал раздражать жизнерадостный Аленин восторг. Как будто она, Лиля, из глухой тамбовской деревни первый раз приехала в приличный город, и ей с гордостью показывают «красоты» цивилизации – вот школа, вот больница, а вот, ты гляди, гляди, кинотеатр!..

– Ну, сейчас на светофоре направо! В Анадыре теперь два светофора, представляешь? Гостиница твоя у нас самая лучшая, между прочим! Архитектора приглашали то ли из Италии, то ли еще откуда! И строили долго, старались.

– Губернатор старался?

Но Алена не заметила никакого сарказма.

– Ну, конечно! Он как пришел сюда, на Чукотку, так сразу стал зимники строить, ну, дороги, жилье ремонтировать, много всякого! И вот гостиницу эту! У нас еще одна есть, по канадской технологии, но попроще. Между прочим, как только эта открылась, сразу с материка всякое большое начальство повалило. Жить-то есть где! Президент был, министр обороны был, премьер тоже. Может, еще приедут!

Классный водитель Коля остановил «батон» как-то странно, не вдоль и не поперек стоянки, попробовал бы он в Москве так машину бросить! Впрочем, на асфальтовом пятачке перед стеклянными гостиничными дверями больше никого не было, на свободное место никто не претендовал, и это казалось непривычным.

Лиля выбралась из теплого прокуренного нутра на ледяной чистый простор, зубы моментально застучали, и она опять затряслась.

Двери были узкие, двойные – чтоб тепло не выдувало, объяснила Алена, протискиваясь, – а дальше полукруглые мраморные ступени, плитка, красное полированное дерево, зеркала, лепнина, хрустальные светильники, картины в тяжелых рамах, и очень тепло, сказочно тепло.

Лиля приободрилась.

Пожалуй, в гостинице «Чукотка» она как-нибудь протянет, это вам не вокзальный буфет с липкими стаканами!

Пожалуй, местный губернатор на самом деле молодец.

Пожалуй, можно его похвалить.

– А ресторан здесь есть? – спросила она девушку за конторкой моментально вернувшимся особым, московским тоном. Девушка казалась растерянной, и Лиля отнесла ее растерянность на счет своего столичного вида. – Кофе хочется!

Девушка сказала, что ресторан есть, конечно же, можно пройти туда прямо сейчас. Лиля заявила, что для начала ей хотелось бы пройти в номер. Алена ничего не говорила, рассматривала сувениры в сияющей витрине, переминалась с ноги на ногу.

– Вы заказывали? – спросила растерянная девушка. – Номер?

– Из Москвы заказывали, – устало ответила Лиля. Скорее бы в ванну, кофе и поспать. От тепла и окружающего привычного комфорта ей вдруг страшно захотелось спать, и она поняла, как устала. – Моя фамилия Молчанова.

– А... когда заказывали?

– Девушка, я вас умоляю! – Лиля длинно вздохнула, стараясь не раздражаться. Конечно, это не Москва, быстро работать они не приучены, но хоть как-то же они должны работать! – Заказывали три дня назад. Холдинг «Московское время». Вы посмотрите получше!

– Но у нас все занято, – сказала девушка виновато. – На самом деле занято! С Аляски большая делегация прилетела, они все у нас живут. И еще две недели будут жить. Ни одного свободного номера.

Лиля не поверила ни единому слову, она даже не поняла ничего! Как такое возможно, чтобы в гостинице «Чукотка» города Анадыря не было ни одного свободного номера?!

А вот Алена оказалась сообразительней.

– Маша, – обратилась она, глянув на приколотую к форменной курточке табличку с именем, – узнайте, пожалуйста, из холдинга «Московское время» звонили или нет? И когда?..

Получив четкие указания, девушка с облегчением кивнула и взялась за телефон, а Алена увела несколько упиравшуюся Лилию под шикарную развесистую люстру.

– А ты давай в Москву звони, – велела она негромко, – кто там чего напутал! И не переживай, не переживай, найдем мы тебе жилье!

– Как это найдем жилье?! У меня номер в гостинице заказан! Именно в этой! Никто ничего не напутал, это у вас тут напутали...

– Делегация с Аляски на самом деле прилетела, – понизив голос, сообщила Алена. – У них каждую осень бывает конференция коренных народов. Я точно знаю, к нам на радиостанцию все новости в первую очередь поступают. Так что вполне возможно, что мест нет. Звони.

Чуть не плача от досады, злясь и уже понимая, что номера ей не видать, Лиля принялась звонить в Москву, и это было мучение, и оно продолжалось долго.

Телефон или вовсе не соединялся, или соединялся с каким-то невероятным трудом, звонки падали в пустоту и глухоту, никто не отвечал – еще бы!.. Там, куда Лиля звонила, никто не начинал работать в шесть утра.

Еще она дала себе слово, что Кириллу звонить ни за что не станет.

Алена повздыхала рядом, отошла к конторке, и они стали о чем-то совещаться с дежурной, а Лиля все нажимала кнопки, совершенно одна – свой среди чужих!..

Примерно через полчаса ей удалось добыть в недрах записной книжки мобильный номер секретарши Риты, та трубку сняла, сначала ничего не поняла, долго переспрашивала, и голос у нее был сонный и перепуганный. Пообещав что-нибудь выяснить, секретарша Рита из Лилиной жизни исчезла – мобильный на все призывы отвечал, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны»...

Лиля пришла в отчаяние. Что делать?! Ну что?!

Еще минут двадцать ушло на бессмысленные терзания и попытки соединиться с Ритой, наборы всех номеров подряд, а когда она дозвонилась до Димы, заместителя Кирилла, он тоже ничего не понял, переспрашивал и вообще, похоже, Лилию не узнал.

Алена подошла и стала рядом:

– Ну что?

Лилия подняла на нее глаза.

– Поедем ко мне, – предложила Алена. – Примешь душ, в себя придешь. Я все равно сейчас на работу пойду!

Мыкаться в городе Анадыре в чужой квартире, куда приглашают из милости, потому что больше девать ее некуда, – нет уж, спасибо!.. И потом, Лилия представляет новое московское начальство, а Алена старое местное! Есть же корпоративная и профессиональная этика, в конце концов!

Или здесь нет корпоративной и профессиональной этики?

Телефон вдруг зазвонил у нее в руке – он молчал сутки, нет, больше суток и вдруг зазвонил, сам! Звук громко и радостно отдавался от мраморных стен и высоченных потолков, и от неожиданности Лилия трубку чуть не уронила!

– Молчанова, – сказал в трубке Кирилл. – Ты чего там в истерике бьешься? Всю Москву на ноги подняла, какого лешего?!

– Как... какого лешего? – пролепетала Лилия. – Я в Анадыре, и мне жить негде. Мне гостиницу не заказали!

– Ой, да все тебе заказали! Там в какой-то мест не было, у них смотр эскимосского пения! Так тебе в другой заказали.

– В какой... другой, Кирилл? И почему мне ничего не сказали?

– Ты чего, Молчанова?! Совсем ку-ку? Ни одной проблемы без меня решить не можешь?! Откуда я знаю, что там тебе сказали, а чего не сказали! Димку взбаламутила, он меня! Смотри, я сейчас Марье Павловне позвонил, заметь, еще не рассвело, а я уже позвонил. Тебе там сняли какую-то квартиру. Сейчас... Ох, елки-палки! Вот: улица Отке, дом семнадцать. Там специальные люди сдают специальное жилье командированным. Ну, надо же, Отке еще какой-то, хорошо не Шнитке! Поняла, Молчанова? Или нас разъединили?

– Какую квартиру, Кирилл? – выговорила Лилия с трудом. – А?! Как я там буду жить?!

– Квартиру? – переспросила рядом Алена. – Где?

– Как люди живут! И голову включай, включай, Молчанова! Я за тебя должен все вопросы решать, что ли?! Все, давай, пока. Целую. Отке, семнадцать, не перепутай только! И не звони ты нормальным людям в шесть утра!

Лилия опустила телефон и потеряла загоревшееся ухо. И посмотрела вверх, на Алену.

– На улице Отке, – выговорила она очень старательно. – Какая-то квартира для командированных.

– А, так это у Тани слевой. – Алена рассматривала ее, как будто опасалась, что Лилия хлопнется в обморок. – У них такой бизнес. Несколько квартир, они их сдают. Тут рядом совсем, за углом. Давай поднимайся потихонечку, и пойдем. Может, оно и правильно, что у Левы с Таней! В гостинице дорого очень выйдет, а ты же надолго приехала! Ничего, ничего, обойдется, однако. Все будет хорошо.

Лилия ненавидела это выражение! Что будет? Когда будет? У кого будет?!

Через двадцать минут дело было сделано.

Вместе с чемоданом Лилия оказалась на третьем этаже самого обыкновенного панельного дома – и наплевать ей сто раз, что панели раскрашены в разные цвета! Подумаешь, красота! В квартире была комнатка, смотревшая окном на сопки, с гардеробом и кроватью, узкий коридор, крохотная кухня и еще более крохотная ванная.

Пахло чем-то горелым.

– Если в душ хотите, воду нужно заранее открывать, она у нас тундровая, черная, – предупредила хозяйка. – Все собираемся фильтры поставить. Ну, устраивайтесь. Если что, мой телефон вон на бумажке записан, я под зеркало положила.

– Ну, и отлично! – бодро подытожила Алена, которая все как будто не решалась уйти и оставить Лилю одну. – Зато сама себя хозяйка! Когда захотела, ушла, когда захотела, пришла. Таня слевой очень симпатичные, да и я тут рядом.

Лиля кивнула. Она смотрела в окно, за которым начался дождь. Дрожащие от ветра струи вкривь и вкось растекались по давно не мытому стеклу.

Алена вздохнула:

– А одежда у тебя есть?

Лиля обернулась и взглянула на нее.

– Понятно. – Алена опять вздохнула. – Значит, так. Пуховик я тебе принесу, а насчет обуви... даже не знаю. У тебя какой размер?

– Алень, я очень устала, – сказала Лиля. – Спасибо большое, но...

– На улице Ленина дедок один есть, шьет торбаса. Он летом в тундре, а осенью в город переезжает. Там вывеска, не потеряешься. Сходи купи, пока не разобрали. Я тебе серьезно говорю.

– Что... шьет? – переспросила Лиля.

Если Алена скажет еще хоть слово, она набросится на нее с кулаками, вытолкает вон, завизжит, совершит что-нибудь отвратительное, неприличное, мерзкое.

Кажется, Алена все поняла, потому что постояла немного, покачала головой, усмехнулась и вышла, а Лиля осталась.

Сопки за тонкой сеткой дождя придвинулись и потемнели. Небо навалилось на них сырой промозглой тяжестью, и Лиля подумала, что так теперь будет всегда – никакого просвета, только сырая промозглая тяжесть на чужой планете.

Она посидела сначала на кухне – возле шаткого стола на такой же шаткой табуретке. Потом на кроватке, застланной тонким пикейным покрывальцем.

Положение представлялось ей не просто безнадежным, а катастрофически безнадежным. Раскладывать чемодан не имеет смысла – завтра же она вернется в Москву.

Возвращаться в Москву не имеет смысла – ее там никто не ждет.

Смутная мысль о том, что ее не просто выставили из прежней жизни, а выставили с дальним прицелом, только еще пока непонятно каким, выползла из глубины мозга и заняла сознание полностью, целиком, как толстый тяжелый удав занимает все пространство тесного террариума. Куда ни посмотришь, все те же жирные омерзительные кольца.

Постучав, заглянула хозяйка, как ее, Зина, Маша, сказала что-то про обед. Лиля покачала головой. Ни Зину, ни Машу, ни обед она сейчас видеть не могла.

В конце концов, изнемогая под тяжестью удава в голове, она поднялась и вышла на улицу.

Дождь кончился, и сильно похолодало. С той стороны, где была большая коричневая вода, а за ней на другом берегу сопки и какие-то громадные круглые белые сооружения, то ли шатры, то ли непонятные емкости, несло ледяным ветром. Тротуары блестели, как стеклянные, и Лиля боялась поскользнуться и упасть.

Она натянула перчатки – что от них толку, от этих перчаток! – подняла воротник и быстро пошла вверх по широкой улице. Немногочисленные машины притормаживали, пропуская пешеходов, в странных, непривычных зданиях горели огни, там, должно быть, хорошо, тепло!..

Замерзла она очень быстро и как-то окончательно. Пальцы в лакированных ботинках заледенели, и ветер не отставал, забирался внутрь ее пальтишка, и она чувствовала себя совершенно незащищенной, как будто вовсе без одежды.

Хорошо бы простудиться и умереть. Чем быстрее, тем лучше. Не придется мучиться и носить в голове жирного удава.

Она все шла и шла, когда улица поворачивала, Лиля тоже поворачивала, когда взбиралась в гору, тоже взбиралась, и ей казалось, что сейчас она дойдет до такого места, где земля кончится – ведь он где-то поблизости, этот самый край земли!.. Она окажется над обрывом, за которым бездна, космос, и камушки будут сыпаться из-под ее лакированных ботинок, пропадая в немыслимой пустоте.

Вместо края земли она дошла до какого-то длинного дома. Он стоял вдоль холма на тонких журавлиных ногах, и к подъездам вели чугунные узкие лестнички, упиравшиеся в крылечки.

«Пошив торбасов, 5-й этаж, кв. 17», – прочитала Лиля на одном из подъездов. «Пошив» был старательно выведен синей краской.

Ни о чем не думая, она взбежала по чугунным ступеням, потом забралась по бетонным и потянула на себя дверь. Внутри было не так холодно, ветер остался снаружи.

Держась рукой за крашенные коричневые перила, она стала подниматься. В подъезде было тихо и сильно пахло жареной рыбой.

Какой-то парень попался ей навстречу, посторонился, пропуская, а потом, кажется, посмотрел вслед. Лиля заспешила. На Севере, как известно, сплошь преступный элемент, вдруг и этот преступный?

На площадке было всего две квартиры. Дверь в семнадцатую приоткрыта, Лиля постояла, подумала и позвонила. Если бы не тяжесть в голове, задавившая все мысли, и не Кирилл, сказавший, что она «совсем ку-ку», она ни за что не решилась бы позвонить.

– Открыто, однако!

Лиля потопталась на площадке, подождала – в квартире кто-то ходил – и еще раз позвонила.

Дзы-ынь!.. Дзы-ынь!..

Перед ее носом вдруг возник маленький человек в мятой клетчатой рубашке и тренировочных штанах. В зубах у него была трубка. Трубка дымилась.

Лиля попятилась.

– Чего звонишь, однако? Открыто.

Тут человек повернулся спиной и пошел по темному коридору, заваленному каким-то хламом, мягко и неслышно ступая.

Лиля поняла, что должна немедленно бежать, спастись, но человек снова возник на пороге. Он перемещался как-то совершенно бесшумно.

– Заходи, – велел он, не выпуская изо рта трубки. – В комнату иди.

Почему-то она пошла. В тесноте и темноте крохотного коридора было навалено и наставлено так, что оставалась лишь узкая тропка, по которой никак нельзя было идти, только... пробираться. И воняло невыносимо! Рыбным жиром, сырой кожей и еще какой-то дрянью.

Лиля добралась до освещенного проема и остановилась. От запаха ее мутило, и она стала дышать ртом, чтобы не вырвало.

В комнате свободным оказался только пятачок посередине, а вокруг него нагромождения немыслимого хлама: куски брезента, кожи, шкур, гладкие деревяшки и неструганные доски, заржавленные круглые емкости, о назначении которых ей страшно было даже думать, крюки, цепи.

Лиля обернулась – бежать, бежать немедленно! – и очутилась нос к носу с человеком с трубкой. Он смотрел на нее внимательно. Единственный путь к отступлению отрезан. Разве что в окно кинуться.

– Вуквукай, – вынув трубку изо рта, сказал человек на непонятном языке, но вполне миролюбиво.

– Что?

– Дядя Коля Вуквукай, – повторил он, не меняя тона. – Так меня зовут. Я из Нешкана. Вся моя семья из Нешкана.

– А меня... Молчанова Лилия. Вся моя семья... из Москвы.

– Давно с материка?

– Сегодня. Нет, то есть вчера. Нет, сегодня. Да, точно сегодня.

– Ръапыныл? Какие новости?

Лиля судорожно вздохнула:

– Все благополучно. Россия вступает в ВТО.

Сообщив про ВТО, Лиля почувствовала себя идиоткой. Дядя Коля помолчал.

– Как погода?

Лиля пожала плечами.

– Два дня будет тихо, – сказал дядя Коля Вуквукай. – Потом начнутся ветра и шторма. Потом к берегу пригонит лед. За торбасами пришла?

Лиля кивнула.

Дядя Коля Вуквукай сунул в рот свою трубку, подумал, отогнул брезент и стал что-то вытаскивать. Лиля заглянула – мягкие меховые сапоги, очень красивые. Неожиданно красивые. Она вдруг позабыла о вонии и о том, что этот человек может быть опасен.

Она подошла поближе и потрогала.

– Это мужские, однако. Тебе не подойдут. Вот эти подойдут. Пробовать будешь?

Пробовать? А, наверное, мерить!

Она поискала глазами, на что бы сесть, и дядя Коля выдвинул обшарпанный стул без спинки с коричневым кругом посередине, выжженным чем-то горячим. Стул был как будто сальный.

Дядя Коля посмотрел на нее и усмехнулся:

– Однако, ты ко мне в гости пришла, а не я к тебе.

Лиля тоже посмотрела на него, потом быстро села и стянула лакированный ботинок. Дядя Коля запыхал своей трубкой.

– Замечательно, – сказала она, потопала ногой и полюбовалась. – Просто замечательно! И как красиво.

– По тундре ходить, однако. В городе жарко.

– А из чего их делают?

Дядя Коля несколько не удивился и ответил ей как неразумной:

– Из оленьих камусов и нерпичьей кожи. В тундре еще подкладываем мох, чтобы мягче ходить по камням. Погоди, вот тут поправить надо, однако!

Лиля стянула сапог, отдала и сунула ногу в лакированный ботинок, где было влажно, холодно и, кажется, слишком тесно.

– Надолго прилетела? – Дядя Коля откусил толстую нитку и теперь заворачивал торбаса в пожелтевшую газету «Крайний Север».

– Надолго, – сказала Лиля. – До весны.

– Однако, не слишком надолго. А живешь где?

Лиля понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить.

Она заплатила столько, сколько он сказал – не так уж и мало, – и попрощалась.

Дядя Коля Вуквукай покивал.

На улице ей показалось так холодно, что она чуть было не решила надеть свои торбаса из оленьей шкуры – или из чего там? – прямо на лавочке. Смеркалось, и дом на улице Отке она нашла не сразу, пробежала мимо и вернулась.

В квартире на третьем этаже стоял нежилой затхлый дух, и чемодан у застеленной покрывальцем кровати почему-то лишил ее остатков мужества.

Она сунула сверток на стул и зарыдала.

Разбудил ее какой-то звук, не слишком громкий, но назойливый. Бум-бум-бум, потом пауза, потом опять бум-бум-бум. И опять пауза!

Ничего не соображая, Лиля встала и побрела на бумканье. Оказалось, что стучат в дверь. – К вам можно?

Не зная, можно или нельзя, Лиля повернула ключ.

– Доброе утро! – бодро произнесла женщина, показавшаяся ей совсем незнакомой. – Вы все спите, я забеспокоилась! У нас, когда с материка прилетают, долго к новым часам приспособиться не могут!

– Вы кто?

Женщина удивилась:

– Я Таня! Не узнали? Я вас вчера селила. Время-то уж двенадцатый час, вот я и решила...

– Двенадцатый час... чего? Дня или ночи?

Таня посмотрела на нее.

– Дня, дня, конечно, – выговорила она успокаивающе, – у вас же нет ничего, ни кофе, ни молока, я вот принесла позавтракать...

Она проворно нагнулась, и в руках у нее оказался поднос. Лиля уставилась на поднос. Таня протиснулась мимо нее на кухню.

– Тут блинчики горячие, сметана, ну, икра, конечно. В кастрюльке оленинка свежая, только сейчас натушила. В банке кофе, а в пачке сахар. Чайник вот здесь, в уголку, видели уже? Водичку из канистры наливайте!

Лиля изо всех сил потерла лицо и пригладила короткие вихры.

Какая оленинка? Какой чайник? А?..

– Ночью не замерзли? Похолодало что-то! У вас в комнате за шкафом обогреватель, вы его включайте, не стесняйтесь. А будут какие вопросы, к нам заходите! Мы на втором этаже, в двадцать седьмой квартире. Ой, торбаса купили! Это правильно, по зиме самое подходящее. Местной-то одежды лучше нет! Только в городе в них все равно жарковато, тундровая обувка. Ну, завтракайте, а я пойду. Посуду потом занесете или позвоните, я сама заберу.

Благожелательная и приветливая Таня поулыбалась Лиле еще немного и ушла. Лиля посмотрела на поднос.

...Что такое вчера было? Коричневый лиман, белые арктические киты, черная угольная пыль. Разноцветный город, клювы портовых кранов. Ветер и холод, от которых почти невозможно дышать.

Кирилл даже не предупредил о том, что жить ей придется не в гостинице, а у чужих людей. Кириллу наплевать, как именно она будет жить. Он три раза повторил, чтобы она «включала голову» и не звонила приличным людям в шесть утра!

Ноги сильно мерзли, и Лиля задумчиво и медленно напялила меховые сапожки, пошитые дядей Колей. Интересно, сколько ему лет? Сто? А может, тридцать?.. Как он сказал: не я у тебя, а ты у меня в гостях?

В крохотном выстуженном помещении, где обнаружились хлипкая душевая кабина, зеркало с кривой подставкой в овальной пластмассовой раме, несколько крючков, а на полу розовый тазик с синей розой, Лиля открыла воду, которая, как ни странно, сразу хлынула, по цвету похожая на вчерашний чай. Лиля зачем-то потрясла шланг, будто ожидая, что от ее манипуляций чай перестанет идти, а пойдет нормальная вода.

...Или позавтракать, что ли?..

Меховые сапожки – торбаса! – грели так, как будто ноги обложили горчичиками, хотя ходить неудобно, или просто непривычно, что ли? На кухне Лиля плюхнулась на табуретку и пощупала сначала один сапог, потом второй, но за толстым и плотным мехом ничего не

нащупалось. Нужно будет потом изнутри проверить, что там, или отнести дяде Коле, пусть сам проверяет! Все же она ему приличные деньги заплатила!

Лиля поставила чайник и с осторожной брезгливостью заглянула в кастрюльку. Там было тушеное мясо, и пахло от него, между прочим, упоительно. Под фольгой на стеклянной тарелочке оказалась горка блинов, еще горячих, а рядом миска красной икры, самой настоящей. Икры было что-то много, слишком щедро, сметаны поменьше.

Лиля скатала блинчик в трубочку и откусила – вкусно. Сколько времени она не ела?

...Интересно, а блины с икрой и что там еще... – оленина? – входят в стоимость проживания или оплачиваются отдельно?

Не в силах остановиться, Лиля свернула еще один блинчик, подцепила икры, отправила в рот, замычала от удовольствия, продолжая жевать, кое-как насыпала кофе из банки, залила кипятком, щедрой рукой плеснула сливок, сунула палец в холодную сметану, облизала, и тут только ей стало неловко.

Нужно было вежливо поблагодарить и отказаться – она ухватила еще один блин, горкой выложила на него икру, завернула и откусила сразу половину. Как вкусно-то, а! Надо было спросить эту самую Таню, где здесь можно поесть, пойти и позавтракать цивилизованно. Она же москвичка, умница, столичная девушка, а не какой-то там дядя Коля Вуквукай!..

Кстати, торбаса правда неудобные, подвел дядя. По крайней мере правый, правая торбасина! Дядя Коля же что-то с ней возился!

Нет, нет, правый сапог давит, вот как сказали бы цивилизованные столичные люди, хоть бы и заброшенные на край земли судьбой-злодейкой.

Впрочем, неизвестно, что именно должны чувствовать ее ноги в такой странной обуви! Вполне возможно, что они и должны чувствовать себя странно.

Лиля доела все блины до последнего, ложкой подобрала из миски икру, еще раз осторожно понюхала мясо в кастрюльке – пахнет отлично! После этого ей так сладко и обморочно захотелось спать, что она вытянула ноги, которым было тепло и прекрасно в неудобных торбасах, откинула голову, подвигала плечами, пристраиваясь к холодной, до половины крашенной в зеленое стене, и сразу же задремала.

Проснулась она через пять минут. Кошмар, привидевшийся ей в эти минуты, был настолько чудовищен и реален, что, задохнувшись, она вскочила с табуретки, уверенная, что должна бежать, спастись.

Табуретка повалилась с грохотом. Тяжело дыша, Лиля огляделась по сторонам.

Чужая кухня с чужой посудой. За мутным окном – чужая планета. На клеенке красный пластиковый поднос с остатками еды, на полу перевернутая табуретка.

Лиля медленно нагнулась и подняла ее.

Нужно что-то со всем этим делать. Надо что-то делать немедленно!..

Она помчалась в ванную, открыла воду, похожую по цвету на чай. В комнате взволочла на разобранную постель чемодан и стала в нем копать. Вещи, сложенные трепетными и правильными кучками, не годились для этой планеты, а скафандра у нее в чемодане не было. Она дорылась до куртки и джинсов, вытряхнула их и опять побежала в ванную, на ходу скидывая сапожки.

Она очень спешила, не понимая, куда спешит, как будто от этого зависела ее жизнь, даже руки дрожали, и пришла в себя только на улице, столкнувшись нос к носу с равнодушным и плотным холодом, абсолютно осязаемым и чуждым. Холод не обратил на Лилу никакого внимания, а она от этой встречи сразу затряслась, не спасла ее куртка из чемодана!

Невдалеке за домами виднелись широкая полоса воды, подсвеченная низким солнцем, белые буруны и сопки на той стороне. Лиля не хотела туда смотреть.

У первого же встречного она спросила, где здесь авиакасса, и человек махнул рукой куда-то влево:

– На улице Рультытегина! Вниз пойдете, а там увидите!

Она решила, что сначала все же отнесет торбаса – завернутые в газету «Крайний Север», они были у нее под мышкой, – а потом купит билет в Москву. Хорошо бы дядя Коля смог быстро переделать неудобный правый сапог, чтобы она забрала их с собой – все же экзотика и народные промыслы, память о единственном дне, проведенном в Анадыре!

Вряд ли она еще когда-нибудь здесь окажется.

Нет, не так. Она больше не окажется здесь никогда.

По тротуару, блестящему под низким солнцем, Лиля добралась до длинного дома с чугунными лестницами. Она была здесь только вчера, но ей показалось, что сто лет назад.

Дверь в квартиру номер семнадцать на пятом этаже все так же оказалась приоткрытой. Лиля сначала позвонила – звонок залился бодрым электрическим звоном на всю площадку, – а потом вошла.

– Здравствуйте! – громко сказала она с порога. – Можно? Я у вас вчера сапоги купила!

Никто не отозвался, и Лиля заглянула в коридорчик, заваленный всякой дрянью. Сегодня не осталось даже тропки, чтобы пробраться в комнату, все было выворочено и навалено, как будто дядя Коля Вуквукай строил здесь баррикады! Кое-как, задерживая дыхание и перешагивая через ведра, брезент, палки, разъехавшиеся кипы пожелтевших газет, тюки и узлы, Лиля добралась до комнаты.

Дядя Коля лежал под окном, зацепившись рукой за батарею, как будто собирался подняться и в последний момент так и не смог. Лиля пролезла к нему, наклонилась и, преодолевая тошноту, потрогала за плечо.

Стеклянные глаза сосредоточенно смотрели в пол. Дядя Коля был абсолютно, окончательно, непоправимо мертв.

– Ничего, ничего! Господи, как же это так вышло-то... Сейчас чайку заварим, а может... Марья Власьевна, Марья Власьевна! У нас вроде коньяк был. Или выпили?

– Я-то не пила, однако!

– Ну, гляньте, гляньте там!

Дверь открылась и закрылась. Лиля, не отрываясь, смотрела в окно на другую планету, которая жила совершенно равнодушной и независимой жизнью. Волны, вскипавшие по верхушкам белой пеной, догоняли друг друга, над дальними сопками толпились облака, и грандиозность пространства отсюда, из окна панельного дома, казалась невероятной. Лиля обеими руками взялась за подоконник, на котором лежали кипы каких-то бумаг, наклонилась вперед и прижалась лбом к холодному стеклу.

– Вы бы сели! Вам нехорошо, да?

– Хорошо, – сказала Лиля.

– Это, конечно, ужас, что такое... Я бы, наверное, там сразу бы и упала, а вы молодец!

– Я молодец, – согласилась Лиля.

Женщина суетливо, в несколько приемов переложила стопки книг из кресла на стол и, подумав немного, на пол и подвинула кресло так, что Лиле волей-неволей пришлось в него плюхнуться.

– И как это угораздило его, господи!.. И человек, главное, хороший, пьющий, конечно, сильно, но так, чтобы до белой горячки допить и такое над собой сотворить!

Дверь опять открылась, впуслав немного детских голосов и какого-то школьного шума.

– Вона все, что осталось, Лариса Витальевна. Если больше надо, давай скажи, я до третьего гастронома схожу.

– Ничего не нужно, спасибо, Марья Власьевна.

Лиля все разглядывала сопки и воду – так пристально, как будто в этом был какой-то смысл.

– Я вам вот коньячку сейчас и чайку с сахаром! Вам обязательно нужно с сахаром выпить!.. Ну, глотните, глотните!

Лиля послушно глотнула коньяк из подсунутого стакана зеленого стекла – довольно много, – не почувствовала никакого вкуса и сказала, обращаясь к подоконнику:

– Главное, понимаете, я только вчера у него была, купила сапоги! А сегодня пришла, потому что мне в них неудобно. А он мертвый, вот в чем дело. А я еще очень торопилась, опоздать боялась. И опоздала.

Женщина вздохнула, и та, вторая, кажется, вздохнула тоже.

– Вы молодец большая! Сразу к нам прибежали! Я бы прямо там замертво упала, честное слово.

– Будет врать-то, Лариса Витальевна!

– Да ну вас, Марья Власьевна!

– Николай человеком был, – помолчав, сказала Марья Власьевна. – Луораветлан. Совсем мало осталось.

Лиля оглянулась.

Смуглая коротко стриженная узкоглазая женщина с морщинистым жестким лицом смотрела на нее, не моргая, как будто ждала ответа или объяснений. Лиля зачем-то повела плечом и покачала головой – ничего-то она не знает, ни ответов, ни объяснений.

Вторая, молодая, беленькая, озабоченная, казалась Лиле почему-то знакомой. Она пригостилась к краю письменного стола, подвинув бумаги, угрожающие вот-вот завалиться, мешала в стакане чай, вздыхала.

– Вы меня не помните? Я Лариса! Из Москвы летели, так мы с Павликом прямо за вами сидели!.. Я заведующая детской библиотекой, а Марья Власьевна мне помогает. Наливайте еще, наливайте!..

Из Москвы, подумала Лиля. Она так легко это сказала, как будто Москва на самом деле существует на свете. Но ведь ее нет.

– Хватит ей.

– Марья Власьевна!

– Чуть что за бутылку хватаетесь. А бутылки ваши вон к чему ведут! У Николая вся семья в Нешкане. Как им сказать, что он по доброй воле в верхний мир ушел? Кто поверит?

– Пустите, я сама налью. И кто там с детьми?.. Шумят что-то.

Марья Власьевна помолчала, а потом сказала решительно:

– Посмотрю.

И вышла.

– Вы на нее не обращайтесь внимания. Она человек золотой, книг столько прочла, мне за всю жизнь столько не одолеть!.. Детей любит и понимает. А спиртное на дух не переносит. Говорит, всю ее семью сгубило это дело. У них, знаете, у коренных, какого-то фермента нету, всегда забываю, как называется, им алкоголь вообще нельзя, но ведь пьют. Все пьют, особенно в стойбищах...

Лиля ее не слушала.

От чая – или от спиртного, погубившего всю семью Марьи Власьевны, – ей вдруг стало тепло, и голова закружилась. Странное дело, до этой минуты она соображала совершенно четко и ясно.

Там, в квартире номер семнадцать, она удостоверилась, что помочь дяде Коле никак невозможно – он не дышал и не двигался, и глаза, сосредоточенные, еще не потускневшие, смотрели в одну точку. Лиля уже не слышала одуряющей вони, а вот запах крови, которой было довольно много, почувствовала отчетливо. Откуда-то она знала, что это запах свежей крови, которая только что была живой, а теперь стала мертвой. Ей даже в голову не пришло, что она может, к примеру, упасть в обморок рядом с дядей Колей! Она только зачем-то пристроила его

поудобнее, чтоб он не лежал с задранной вверх рукой – сухая смуглая кисть, описав полукруг, глухо стукнула о пол, из нее выпала и покатилась крышка то ли от банки, то ли еще от чего-то. Лиля подобрала крышку. Давешние клетчатая рубаша и тренировочные штаны дяди Коли были черными от крови. Рядом валялось ружье, и Лиля старалась не задеть его и не прикоснуться случайно. Потом она вышла на улицу, посмотрела по сторонам, точно зная, что ей понадобится помощь, и увидела на соседнем подъезде вывеску.

«Детская библиотека г. Анадыря» – вот что было на вывеске. Лиля зашла и очень четко объяснила, что именно случилось. Дальше начались звонки, суета, беготня, и вскоре под окна подъехал сине-белый «Форд», из которого вышли люди в форме. Лиля и эта самая Лариса, оказавшаяся заведующей, поговорили с ними на улице, и Лиля четко рассказала все, что знала.

Дети, много детей, целая толпа, с жадным любопытством, от которого их глаза и уши казались растопыренными, вились вокруг них, как комары, из узких дверей выплескивались все новые и новые, а потом явилась Марья Власьевна, очень строгая, и стала загонять их обратно, и – странное дело! – они послушались. Люди в форме пошли в подъезд, за ними Лариса и еще кто-то. Лиля вернулась в библиотеку, села на первый попавшийся стул под какой-то стенгазетой и стала ждать.

Она ни о чем не думала, ничего не вспоминала, она просто сидела и ждала, а потом встала и принялась читать стенгазету. «Наши любимые учителя» – было выведено красными и золотыми буквами. Лиля изучила фотографии, отрывки из сочинений, воспоминания в рубрике «Учительница первая моя». По краям газету украшали очаровательные котята и букеты, вырезанные из открыток. Лиля дочитала все до конца и собралась перейти к следующей – на стене висело довольно много разных газет, но тут прибежала Лариса, перепуганная и несчастная, увела ее в кабинет и рассказала, что вроде бы дядя Коля выстрелил в себя сам. И винтовку рядом нашли.

Лиля кивнула – винтовку она видела.

– ...А у нас как раз сегодня тематические занятия и внеклассное чтение для разных возрастов, все дети тут, как на грех!

– У вас всегда так много детей собирается? – В благодарность за чай и заботу Лиля решила проявить интерес – особенный, «гостевой». Ответ ей был безразличен.

– Ну, конечно! – Лариса улыбнулась и неловко полезла через стол добавить ей чаю. Вообще в кабинете было очень тесно и тепло, зато вид из окна грандиозный и холодный. – Мы стараемся, чтоб им было интересно! Писателей всяких приглашаем, народных мастеров! Знаете, какие в Уэлене косторезы? Это диво дивное! Да я могу вам фотографии показать!.. У нас целые подборки собраны, а у меня даже есть моржовый клык работы самого Туккая! Мне Игорь подарил, муж.

Лиля понятия не имела, кто такой «сам Туккай», и от просмотра фотографий вежливо отказалась. «Гостевой» интерес на это уже не распространялся.

– Как вы думаете, Лариса, я могу еще понадобиться этим людям?

– Каким людям?

– Которые... там. У дяди Коли?

Лицо у той стало растерянным, как будто она забылась на миг и вдруг вернулась в неприятное, горестное.

– Да кто ж их знает!.. Спросить нужно.

Лиля точно знала, что ничего и ни у кого она спрашивать не будет.

– А вы уйти хотите? Я могу вас проводить! Или Марью Власьевну попросить! Как вы одна доберетесь-то?

– Я прекрасно сама доберусь! – вскричала Лиля. Не хватало ей только Марьи Власьевны в провожатые. – Спасибо вам за помощь и поддержку.

Так всегда благодарил Кирилл, когда проводил «расширенные» совещания с работниками региональных радиостанций. Он говорил спасибо, и голос его звучал тепло и искренне, и работники верили, что их «помощь и поддержка» на самом деле имеют значение для московского начальства. «Как они меня задрали!» – обычно добавлял Кирилл, когда за последним из них закрывалась дверь.

– А вы где живете?

Лиле понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить. Кто-то совсем недавно уже задавал ей такой вопрос, и она точно так же не могла сразу сообразить, что именно спрашивают!

– На Отке.

– А, у Тани слевой? Они хорошие. Вы к нам в командировку, да?

Лиля кивнула, поднимаясь из неудобного кресла.

– Надолго?

– Нет. – Тут она улыбнулась. – До завтра.

– Как до завтра? – удивилась Лариса. – Вы же только прилетели! Ничего толком и не увидели!

Лиля хотела сказать, что увидела вполне достаточно, теперь впечатлений надолго хватит, но ответила – в духе Кирилла, – что ей очень жаль, но пора в Москву.

...В Москву, в Москву!

– Ну, – огорчилась Лариса, – к нам надо на подольше приезжать! Чукотка – самое чудесное место на свете, а у вас теперь такое... тяжелое впечатление останется. Господи, как это только угораздило его, дядю Колю!..

С торбасами, завернутыми в газету «Крайний Север» – оказывается, она все это время таскала их с собой, – Лиля вышла на улицу и, не оглядываясь, пошла вниз по ровному, будто стекло, асфальту. Даже если бы она оглянулась, то все равно не заметила бы в окне на первом этаже пожилую женщину с жестким и смуглым лицом, которая холодно и оценивающе смотрит ей вслед. Так смотрит волк, прикидывая расстояние до жертвы, которая ни о чем не подозревает.

В билетной кассе на улице Рудольфова – опять первый этаж длинного панельного дома на сваях, раскрашенного в разные цвета, – Лиле сказали, что купить билет в Москву никак невозможно. Ни на сегодня, ни на завтра, ни «вообще». Их не продают.

От неожиданного удара Лиля покачнулась, пришлось ухватиться за стойку, чтобы не упасть на самом деле. Торбаса один за другим мягко вывалились из свертка.

– Погоды нет, – объяснила из-за стекла молоденькая кассирша с ярко накрашенными губами. Перед ней страницами вниз лежали захватанный детектив, а рядом две конфетки в бумажках и сушка. – Два наших борта, анадьских, в Якутске сидят, а один в Нерюнгри. Говорят, пурга идет. Мы даже на местные рейсы не продаем. Тут, на Чукотке, все по фактической погоде летают!

Лиля наклонилась и подняла чертовы торбасы. Зашелестела газета «Крайний Север». Преувеличенно аккуратно Лиля пристроила их на пластмассовый стул, вдохнула, выдохнула и крикнула на девушку за стеклом так, что голос отдался от сырых, плохо оштукатуренных стен:

– Что значит нет погоды?!

Та, принявшаяся было за детектив и сушку, от неожиданности откусила слишком много, щека у нее оттопырилась, и глаза вытаращились.

– Солнце светит, вы что, не видите?! – И Лиля ткнула рукой в окно. – Какая может быть пурга, сегодня только десятое октября!.. Вы с ума сошли?! Как это возможно?! Если нет обыкновенных билетов, давайте мне бизнес-класс, я заплачу сколько угодно, и все дела!.. Мне нужно в Москву, это вы понимаете?!

Кассирша, не ожидавшая такого поворота и не готовая скандалить, проглотила сушку и моргнула.

– Не продаем мы билетов, – сказала она осторожно. – Со вчерашнего дня не продаем. Как московский борт пришел, так и все, аэропорт закрыли! У нас даже система не работает.

– Мне наплевать на вашу систему!

– А на пургу?! Пурга идет! Говорю, даже в Эгвекинот и на Лаврентия не летают!

Лиля, которая не рыдала и не билась в истерике возле трупа, вдруг совершенно отчетливо поняла, что сейчас в маленьком промозглом помещении с перегородкой и оконцем наподобие кассового совершит что-нибудь неприличное, гадкое: завопит, заплачет, швырнет ненавистные торбасы в девушку с накрашенными губами!

Кажется, так уже было с ней именно здесь, в Анадыре, только она никак не могла вспомнить, почему это случилось.

– Я не могу тут оставаться, вы это понимаете?! – тяжело и старательно дыша, выговорила Лиля. Никелированные поручни были очень холодными, а ее ладони очень горячими от гнева. – Мне нужно улететь. Как угодно, только улететь. Сегодня же. Лучше прямо сейчас! Я заплачу любые деньги!

– Да куда лететь, – сказала девушка, пожалуй, с сочувствием. – И плыть куда. Можно через пролив на Аляску, только эмчезники сегодня навигацию для маломерных судов закрыли. Они каждый год по-разному закрывают, бывает, и попозже, а в этом рано! На самом деле пурга идет.

Два дня будет тихо, сказал ей вчера дядя Коля Вуквукай. Потом начнутся ветра и шторма. Потом к берегу пригонит лед.

Лиля приткнулась на пластмассовый стул рядом с проклятыми торбасами и зарыдала громко, в голос. Она рыдала в промозглой комнате с отсыревшей штукатуркой на глазах у изумленной кассирши, а глубоко внутри отстраненно думала, что сегодня улететь не удастся, это совершенно точно, и неизвестно, когда она отсюда выберется, а это значит, что придется как-то жить. А как?..

Девушка выскочила из-за загородки, подала ей попить. Лиля глотнула воды и опять зарыдала.

– У вас случилось что?.. – участливо спросила девушка. – Умер кто?

Лиля отрицательно покачала головой и еще попила.

– Так погода будет, и полетите тогда! Ну, неделя, дней десять, а бывает, что и меньше! Я думала, беда какая! А раз нет беды, значит, как придет борт, так и полетите!

– Вы ничего не понимаете!

Девушка вздохнула и приняла у нее щербатую кружку с цветком. На цветке были чайные потеки, и казалось, что он тоже плачет коричневыми слезами.

– Может, и не понимаю, – философски сказала девушка и поднялась. – Только лететь-то все равно не на чем!

Лиля еще посидела. Ей было стыдно за себя, за то, что рыдала и кричала, и казалось, что ничего этого нет: ни города Анадыря, ни квартиры на пятом этаже, пропитанной рыбной вонью и запахом свежей крови, ни мертвого тела, ни другой планеты за окнами.

Москвы на этой планете тоже нет. До нее не добраться. Звездолеты не летают.

Лиля пошмыгала носом, достала из кармана пакетик с салфетками, утерлась и хмуро сказала в сторону окошка:

– Извините меня, – и ушла.

Девушка догнала ее уже на углу:

– Вот! Вы забыли!

Сунула ей сверток с торбасами и убежала. Лиля посмотрела ей вслед и побрела по улице Рультытегина в сторону улицы Отке.

На этой планете улицы носили неземные названия.

Когда именно телефон перестал работать, она так и не поняла, но он не работал ни ночью, ни утром. Устройство с тающим белым яблочком на крышке, последняя надежда, единственная ниточка и что там еще, теперь годилось только для украшения интерьера. Лиля нажимала кнопку, умоляя его: «Соединись, соединись!» – но устройство решительно не знало, что именно нужно делать, и ничего не делало.

Лиля нажимала кнопку полночи, потом все же уснула и проснулась в слезах, прижимая телефон к груди обеими руками. Он был горячий и влажный. В комнате было темно, а никчемный телефон показывал московское время, и Лиля долго не могла сообразить, что именно он показывает, а потом решила, что наступила полярная ночь.

Ночь не наступила. Пришла пурга.

За окном не видно ни сопок, ни улицы, только возникают и пропадают внизу, в метели, размытые желтые круги автомобильных фар.

Лиля стояла и смотрела на круги, и ей казалось, как будто из-под земли прорывается чужеродный и дальний свет.

– Пурга! – весело объявила Таня, когда Лиля пришла к ней со вчерашним подносом. – Ой, а что же оленинка? Не ели? Свежая совсем! Мясо отличное, самое полезное! А ужинали чем же?

Лиля не ужинала и не завтракала. На завтрак и на ужин вместо оленины были страдания и горестные мысли.

– Ну, нет, – продолжала Таня, – так не годится, у нас тут без еды никак, замерзнете где-нибудь! Давайте-ка я вам подам...

– Ничего не нужно, спасибо большое.

Таня поправила на носу очки, вздохнула и сложила руки на груди.

– Север кислых не любит, – вдруг изрекла она. – Хоть у нас и город, цивилизация, все удобства, а все равно Север, с ним шутки плохи! Проходите и садитесь. На кухню проходите!

Она сказала это так, что Лиля почему-то послушалась и «прошла».

На кухне было тепло, хорошо пахло, плита заставлена кастрюлями, такими огромными, как будто здесь столовался гарнизон солдат.

– Постояльцев много. – Таня кивнула на кастрюли. – Гостиницы-то обе заняты, да у нас и дешевле! Кофейку могу вам сварить, яишенку пожарить. Только яйца, сами понимаете... Кур рыбной мукой кормят, а больше чем?... Больше нечем. Так что яйца малость рыбой отдают.

Лилу вдруг замутило. То ли от голода и несчастий, то ли от мыслей об яичнице с рыбным духом.

– Давайте-ка лучше котлеток с гречневой кашей, а? Котлетки из медвежатины, самые вкусные! Леву третьего дня Сергей Нифонтович, который из Чукотснаба, медвежатиной угостил. Они куда-то далеко в тундру ходили, добыли медведя.

Лиля приткнулась за стол, ссутулила плечи и сунула руки в колени.

Котлеты из медвежатины на завтрак? Что может быть лучше!

И нельзя улететь. И нельзя позвонить. И нельзя пожаловаться.

– Говорят, вы вчера дядю Колю мертвого нашли?

Лиля кивнула.

– Такое несчастье, Господи, помилуй! А мы с Левой вечером хотели вам стукнуть, поужинали бы, выпили, а я подошла, послушала, тихо у вас! Думаю, может, спит. И не стали стучать. Как вы пережили-то, я прям не знаю. Пейте кофеек, пока горячий! Это нам дочка присылает с материка. Сразу ящик или два, с оказией. Если в магазине брать, дорого выходит, да и пока до нас дойдет, все сроки годности выйдут. А мы с Левой уж больно кофе любим! Ему нельзя, давление у него, так я водой разбавляю, а он делает вид, что не замечает. А в восемьдесят

втором он однажды винограду добыл! Я в каком-то кино увидела, как кофе пьют с виноградом и с сыром, а кино французское, и так мне захотелось!..

Таня говорила, не останавливаясь ни на секунду, и все время что-то делала, и перед Лилей на чистой скатерке постепенно появились большая чашка кофе, стакан апельсинового сока, стеклянная тарелочка с горкой блинов, миска красной икры – здоровая такая миска!

– А что вы в куртке-то? Мерзнете? Это с непривычки! Ничего, сейчас согреетесь! Да вы бы и у себя обогреватель включали! Это советская система еще, тепло только пятнадцатого дадут, представляете? А у нас тут не Краснодарский край все же. Мало ли что положено! Пурге вон все равно, пятнадцатое уже или только десятое!.. Ну вот, и так мне захотелось пить кофе шикарно, с виноградом! А где у нас тут взять виноград? Смешно даже! А Левка добыл. То ли летчиков упросил, то ли еще кого. Приходит, как сейчас помню, третьего декабря, а уж холодно было, и дуло сильно. А под курткой у него пакет коричневый, здоровенный, а в нем виноград, самый настоящий, южный, весь черный, слегка только помятый и такой белой пылью как будто подернутый!

Таня засмеялась счастливым смехом.

– Вот у нас был праздник, никогда не забуду. Вы котлеты кушайте, пока горяченькие. Холодные они тоже ничего, но с пылу с жару в самый раз.

Лиля взялась за вилку, вздохнула и откусила.

– А вы давно здесь живете? – спросила она с набитым ртом.

Таня махнула рукой. Она не садилась, стояла возле плиты, готовая немедленно кинуться и чем-то услужить.

– Я-то с восьмидесятого, по комсомольской путевке поехала. Двадцати лет от роду! Кулинарный техникум закончила, и меня сюда ресторанный трест направил. Не попасть было, вызов нужен, просто так не пускали! А мне романтики хотелось, я отличницей была. Помню, на комсомольском собрании решали, кого посылать, вот меня и выбрали как самую лучшую студентку. А Лева...

Выходит, ей за пятьдесят, подумала Лиля, принимаясь за следующую котлету из медвежатины. А на вид – ну, тридцать. Странное дело.

– А Лева с семидесятых. Он сначала по снабжению работал, в Чукотторге, а потом на метеорологической станции, и... Да вот он, приехал, слава богу!.. Сейчас кофейку ему тоже...

Лиля быстро прожевала котлету, чтоб не здороваться с набитым ртом, утерлась салфеточкой, выпрямила спину и приняла вид «московского гостя». В глубине квартиры кто-то ходил, что-то двигал и трогал. Лиля все сидела, смотрела на дверь, сделав специальное лицо и правильно поставив ноги.

– Еще котлеточку, может?

– Таня! – закричали издалека, и что-то грохнуло. – Где куртка, знаешь, красная?.. Метет что-то!

– Лева, зайди, поздоровайся, а куртка та в гардеробе, в зале! Я сейчас достану. Ты мне там все перепутаешь!

– А?!. А, ну ладно.

И опять никого. Таня сорвалась с места и пропала в коридоре, а Лиля, уставшая сидеть правильно, длинно вздохнула, свернула блинчик, щедро выложила на него икру и отправила в рот. Кофе еще много осталось – хорошо!

– Так вы и есть та самая гостья, за которую мне Татьяна вчера все уши прожужжала?..

Лиля в ответ смогла только помычать согласно и приветственно.

– Да вы кушайте, кушайте! Вчера не кушавши, так хоть сегодня!.. Татьяна весь вечер убивалась, что такой кошмарный кошмар с вами приключился, да еще и не кушали!.. Когда поешь, всегда легче делается!

Лиля кивала всякий раз, когда он говорил «кушать», и щеки у нее покраснели от неловкости.

– Лева Кремер, – весело представился дядька, когда она наконец проглотила. – Танин муж! Нет, вы могли когда-нибудь представить себе, что я стану называться Танин муж?! Или да?.. А вот вообразите! Теперь я на пенсии, и я всего лишь Танин муж! А раньше был сам по себе Лева Кремер, и меня тут каждая собака знала и могла столько историй рассказать не только на своем собачьем языке, но и на вполне человеческом! Как вас звать, я запомнил?

– Лиля, – пролепетала московская гостья, – Молчанова.

– Левушка, кофейку?..

– И кофейку! А что?

– А покушать?

– Сейчас нет. Потом да. Мне еще до одного места надо съездить.

– До Сереги?

– До Николая Юрьевича! Так что только кофейку и больше ничего предосудительного!

Тут Лева Кремер уселся напротив Лили, наострил, уперся растопыренной ладонью в колено и посмотрел на нее сначала одним, а потом другим глазом довольно весело. У него был потрясающий нос и совершенно дивная улыбка.

– Гости из Москвы всегда большое дело! – ни с того ни с сего заявил он. – Какие новости на материке?

– Все... в порядке, – не сразу нашлась Лиля. – Цены на нефть растут. – Тут припомнился ей дядя Коля Вуквукай. – Наша страну приняли в ВТО.

– Всероссийское театральное общество?

Она моргнула:

– Нет, нет, во Всемирную торговую организацию.

– А жаль! – вдруг энергично сказал Лева. – В театральном обществе гораздо больше проку, скажу я вам как театрал! Я сто лет не был в театре!

– Как не был, Лева? Прошлой весной МХТ приезжал, так мы с тобой сходили!

– Разве то театр?! То не театр, а жалкие потуги комедиантов, которые желают убедить меня в том, что они артисты! Впрочем, не очень-то они и желали! Таня, голубчик, ты держишь своего мужа за старого и больного человека, а он еще-таки не стар и не болен! Я отказываюсь пить эту коричневую бурду! Налей мне нормального человеческого кофе!

– Лева, тебе нельзя!

Лева подмигнул Лиле:

– В восемьдесят восьмом фельдшер Щупакин уверял меня, что я проживу намного дольше, если брошу курить! Я бросил. Фельдшер Щупакин бросил за десять лет до меня и гордился этим, что совершенно справедливо с его стороны. А еще лет через пять он помер от белой горячки. Потому что оказалось, что надо было не только бросить курить, но еще и пить, а об этом он и не подумал!..

И Лева Кремер гордо отхлебнул свежего кофе из кружки. Лиля помалкивала, стараясь не очень пялиться на него.

– Значит, на материке все в порядке, и столица богатеет и процветает, дай бог каждому из нас такого богатства и процветания. Каким же макаром теперь придут ваши вещи, когда все борта сидят в Якутске и ждут погоды, как будто кто-нибудь, кроме Бога, знает, когда она будет, эта погода?

– Вещи? Какие? Все мои вещи здесь... со мной.

Тут Лева с Таней переглянулись, и Таня положила руку на широкое Левино плечо.

– Таки это чудесно, – задумчиво сказал он и посмотрел вверх на супругу. – Таки просто великолепно, если в ваши планы на ближайшие полгода не входит покидать эту самую жил-площадь хотя бы на пятнадцать минут. Или входит?

Лиля выпрямилась и улыбнулась официальной улыбкой:

– Что, простите?..

– Найдём что-нибудь, – успокаивающе сказала Таня и погладила мужнино плечо. – Не переживай, Левушка.

– Как мне не переживать, когда наша гостя не имеет что надеть, а вчера был такой ужасный кошмар в виде собственноручно ею найденного трупа!

– Ох, и не говори, Левушка.

– У нас здесь не бывает никаких трупов, – доверительно сообщил Лева Кремер. – У нас не развивается преступный элемент, потому что элемент этот, будучи общественным паразитом, как любой паразит, ищет где потеплее! Таки даже бичей, или бомжей, как их называют у вас на материке, здесь нет, потому что они вымерзают в первые же холода! И надо такому случиться, что вы своими глазами обнаружили кошмарное происшествие!..

– Почему он застрелился? – грустно спросила Таня и, кажется, даже утерла глаза. – Такой хороший дядька! Пьющий, конечно, но хороший...

– Что дядя Коля застрелился, если кому-нибудь здесь интересно мое мнение, я ни на двадцать копеек не верю. И пусть рядом с ним нашли сто винтовок, и из всех ста он выстрелил себе в сердце, все равно не верю!

Лиля не стала спрашивать, откуда ему это известно. Ей уже стало ясно, что в Анадыре все знают всё обо всех. Причем узнают каким-то образом в ту самую минуту, как только происшествие случается.

Такая своего рода телепатия, что ли. Впрочем, инопланетный разум никаким человеческим объяснениям не поддается.

– А почему вы спросили меня про одежду, Лев... извините, как вас по отчеству?

– Моего батюшку звали Михаилом Семеновичем, царство ему небесное, а меня вы смело можете называть Левой! Но если вам таки это неудобно, так же смело вы можете называть меня Львом Михайловичем, что есть чистая и абсолютная правда жизни! Таня вчера рассказывала за вас, бедняжку, и сообщила, что у вас с собой всего одна сумочка, а при всем уважении в одну сумочку нельзя уложить теплых вещей столько, чтоб не вымерзнуть, как тот преступный элемент! Таки я подумал, что придется ждать ваших вещей, а все это время вам надо что-то носить, и это что-то мы сейчас для вас поищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.